

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XX Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых

Красноярск, 24 апреля 2019 г.

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2019

ББК 87
А 437

Редакционная коллегия:

Е.Н. Викторук (отв. ред.)

Н.И. Лобанова

В.В. Минеев

А 437 Актуальные проблемы философии и социологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 24 апреля 2019 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. Е.Н. Викторук; ред. кол. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2019. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-325-8

ББК 87

ISBN 978-5-00102-325-8
(XX Международный форум
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Молодежь и наука XXI века»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Тайгунова Т.В. САМОПОЗНАНИЕ – СПОСОБ ПОСТИЖЕНИЯ ЖИЗНИ	5
Широких С.В. КАТЕГОРИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В АКТАХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ.....	8
Попкова Н.А. ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПЦИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ПРИ ОСМЫСЛЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ.....	12
Гох А.Ф. ИСТОРИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИИ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ	15
Черняева А.С. МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ «ПОНИМАНИЕ» ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЕЙ?.....	21
Майстренко А.И. ИДЕИ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПЕДАГОГИКИ	24
Машуков М.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ОПРОСА В КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	28

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

Круглова С.В. К ГЕНЕАЛОГИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВА» И «СВОБОДЫ» ЧЕЛОВЕК	32
Коньшенко Ю.С. ВЕДУЩИЕ МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ: ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦИКЛОВ КОНДРАТЬЕВА.....	35
Фокина А.В. КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ИДЕЯМ КУЛЬТУРНОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ.....	38
Варыгина А.О, Идиатулин И.Р., Фаут Ю.В. СВОБОДА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	42
Гуленцова О.С., Варыгина А.О. СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СТУДЕНТОВ-СТАРШЕКУРСНИКОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА	44
Маланина Д.В. ИНКЛЮЗИВНЫЕ ПРАКТИКИ В БИБЛИОТЕКЕ НА ПРИМЕРЕ г. КРАСНОЯРСКА.....	46
Абальмова А.Д. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	50
Проценко В.О. ВЛИЯНИЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОДРОСТКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	53
Скляренко Н.С. ПРОВАЛ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ РАКУРС	56
Кузовлева А.Н., Харисова А.Р. КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ.....	59

Телеватая Е.Р. ПРОБЛЕМА «ЭЛЕКТРОННОГО» ПОКОЛЕНИЯ, ИЛИ КАК РОДИТЕЛИ ТЕРЯЮТ СВОИХ ДЕТЕЙ	62
Леонидова О. А. ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ СЕМЬИ.....	65
Донников М. Ю. ПОНЯТИЕ ИДЕИ И КОНЦЕПЦИЯ ПРИЧИННОСТИ В ФИЛОСОФИИ ЮМА.....	68
Литвинова А.Г., Антошечкина Г.К. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ЛИЧНОСТИ	71
Минеев В.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ	74
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	79

УДК 159

САМОПОЗНАНИЕ – СПОСОБ ПОСТИЖЕНИЯ ЖИЗНИ

SELF-KNOWLEDGE AS A WAY TO COMPREHEND LIFE

Т.В. Тайгунова

T.V. Taygunova

Научный руководитель В.В. Минеев
Scientific adviser V.V. Mineyev

Самопознание, жизнь, гносеология, онтология, сознание.

Синтез сознания, устремленного в собственные истоки, и законов жизни выступает связующим звеном для данной работы. Автор размышляет о жизни и смерти, космизме и экстрасенсорике, рефлексии и последних тенденциях философского отражения действительности. Делается общий вывод о фрактальной природе жизни в обстоятельствах самопознания.

Self-knowledge, life, epistemology, ontology, consciousness.

The synthesis of consciousness, striving into its own origins, and the laws of life acts is a general link for this work. The author reflects on life and death, cosmism and extrasensory perception, reflection and the latest trends in philosophical reflection of reality. A general conclusion is made about the fractal nature of life in the circumstances of self-knowledge.

Философские дискурсы, оперирующие категорией самопознания, как правило, исходят из того, что процесс познания может быть обращен как вовне, на объективный мир, так и внутрь, в мир субъективный. Однако точку зрения, объединяющую эти гносеологические векторы, можно встретить не часто. Пожалуй, верха синтеза в открытии внутреннего движения сознания и открытии законов движения материи в каком-то смысле достигли некоторые доктрины буддизма. Вместе с тем схожие по философской интонации мотивы можно встретить и в русской философии XIX–XX веков. Общим моментом в попытках разных философов, ученых, теологов выступает стремление к отражению самопознания как способа постижения бытия. Но поскольку бытие и небытие для человека, занятого самопознанием, предстает, прежде всего, в форме жизни и смерти, поэтому и поиски пограничных смыслов осуществляются именно в пересечении многих актуальных, достаточно свежих для философской повестки дня проблем.

Так, например, в 1989 году вышло эссе В. Минеева и В. Нефедова, в котором авторы проанализировали «возможности появления научного понятия бессмертия» [1, с. 7]. В частности, еще до полета «Кьюриозити» на Марс, до появления Интернета, до официальной реабилитации православия, до начала глобального шествия постмодернизма, до начала экспериментов с клонированием наши отечественные философы уже провозгласили, что космизм – это внутренний принцип всей культуры космической эры, представленный и материалистической традицией, выраженной в практиках науки и искусства [1, с. 8]. Главное заключается в том, что «мыслимость потенциального бессмертия... не является сверхъестественной» [1, с. 44].

Сегодня, спустя тридцать лет, тема бессмертия и общий ореол значимости космизма очень популярны в среде состоятельных людей, в среде настоящих космополитов в самом прямом смысле этого слова. О чем это говорит? С одной стороны, что способы постижения жизни расширяются с достаточно высокими скоростями.

Постижение бытия через биологию старения и перспективы продления жизни вплоть до бессмертия – это только одно из целого ряда направлений самопознания. Стоит упомянуть, например, о популяризации внутренних психоделических путешествий в миры трансцендентального. Напиток «Аяуска», представляющий собой отвар тропической лианы, открывает человеку новые духовные переживания. Их глубина, как оказалось, так велика, а смысловое содержание так интенсивно, что правительства Бразилии и Перу признали напиток национальным достоянием, что само по себе крайне удивительно.

Таким образом, складывается своеобразная гносеологическая цепочка:

– сознание в определенный момент эволюции и некий момент развития общества обнаруживает свою способность к самопознанию, а не только познанию окружающего мира;

– самопознание пребывает в координатах пограничной проблематики жизни в самых разных ее проявлениях;

– на уровне самопознания выясняется, что слоев, уровней, измерений реальности крайне много и возникает стремление их как-то синтезировать, упорядочить (например, сопоставить тему взаимовлияния медицины и политики, выявив тем самым онтологическую сущность медиализаторства) [2, с. 54];

– как следствие, начинают возникать уникальные философские дискурсы, которые гносеологически находятся в русле мировоззренческих сдвигов, о которых Н. Рыхлова пишет так: «Идеалистическое экзистенциональное понимание жизни сменяется постнеклассическим синергетическим подходом. Междисциплинарный и постпозитивистский подход вышел на новые биофизические и психофизиологические измерения...» [3, с. 50].

В свое время феномен прорицательницы Ванги был признан многими учеными мира, вплоть до научного руководителя Института мозга человека РАН Н.П. Бехтеревой. И никто не мог этому феномену дать объяснения, в том числе и сама Ванга. А феномен Нинель Кулагиной вообще бесспорен, т.к. изучался

советской наукой вполне официально и достаточно обстоятельно. Является ли самопознание личностей с экстраординарными способностями прыжком в неизвестность, способом познания тех сторон жизни, которые нам еще предстоит открыть, но которые тем не менее существуют? Такими удивительными личностями могут выступать, например, представители аутистического спектра, статус которых активно переосмысливается и переоценивается [4].

У классиков русской философии есть свой самобытный ответ на этот вопрос. Как справедливо отмечает Н. Бердяев, «весь мир должен быть моей собственностью, и ничто не должно быть внешним, внеположным для меня, экстериоризированным, все должно быть во мне. Солнце должно быть во мне» [5, с. 96]. Поэтому можно смело констатировать, что пределами самопознания являются пределы самой жизни и никто, даже самые великие экстрасенсы, в этой „терра инкогнито” не могут утверждать какие-то успехи или поражения. Либо космос уже внутри, либо он только снаружи, но тогда внутри зияющая пустота. «Мир делается все менее и менее таинственным. Но истинное сознание в том, что тайна отодвигается в глубину. Для тех, для кого тайна совсем исчезает, мир должен представляться совсем плоским, двухмерным» [5, с. 99].

Таким образом, жизнь как самодостаточный источник движения живой материи и смерть как ее «предельный вызов» [6, с. 71] составляют бесконечное пространство самопознания, то есть отражения умственного взора в бездну самого себя. Чисто научными, позитивистскими или чисто религиозными, теологическими моделями эта «территория» недостижима. Освоить ее может только рефлексивная личность, способная к «повторению себя в бесконечности, то есть следованию природе фракталов», ведь сейчас «есть основания считать, что самым сложным фракталом является жизнь» [7, с. 83].

Библиографический список

1. Минеев В.В., Нефедов В.П. От смерти – к жизни: Идеи русского космизма и проблема нового понимания смерти и бессмертия. Красноярск: Изд-во института физики, 1989. 50 с.
2. Минеев В.В. Феноменология как стратегия сопротивления медиализаторским установкам // Научно-исследовательские разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. № 3 (20). С. 54–60.
3. Рыхлова Н.Н. Границы познания жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8, № 2. С. 49–53.
4. Викторук Е.Н., Гох А.Ф. Дефиниция аутизма: от диагноза до незавершенной медицинской истины // Сибирский вестник специального образования. 2016. № 1–2 (16–17). С. 35–39.
5. Бердяев Н.А. О самопознании и его пределах. Заключение о себе (к юбилею Николая Александровича Бердяева) // Развитие личности. 2014. № 1. С. 89–107.
6. Козлов В.В. Смерть как феномен мышления и познания жизни человеком // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Психология. 2014. Т. 10. С. 67–75.
7. Черезов А.Е. Взаимосвязь диалектического и синергетического методов познания принципа жизни // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Философские науки. 2013. № 2 (8). С. 78–85.

КАТЕГОРИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В АКТАХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

CATEGORY «JUSTICE» IN ACTS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

С.В. Широких

S.V. Shirokikh

Справедливость, судебная практика, правоприменительная деятельность, Конституционный Суд РФ.

В статье рассматривается практика применения Конституционным Судом РФ в своих решениях понятия «справедливость». Автор обращает внимание на многозначность данного термина и на отсутствие единообразия в его использовании Конституционным Судом РФ.

Justice, judicial practice, law enforcement, The Constitutional Court of the Russian Federation.

The article discusses the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation in its decisions the concept of „justice”. The author draws attention to the ambiguity of this term and the lack of uniformity in its use by the Constitutional Court of the Russian Federation.

Говоря о понятии и развитии категории «справедливость», необходимо обратиться к судебной практике, так как принцип справедливости является ключевым при принятии судебных решений. В условиях недостаточной правовой определенности относительно содержания и критериев справедливости российского судопроизводства большое значение в уяснении этих вопросов имеют правовые позиции Конституционного Суда.

В российской судебной практике вопросы понимания, содержания и оценки справедливости правоприменительной деятельности являются объектом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который в своих актах систематически указывает на необходимость справедливого, пропорционального использования органами государственной власти правовых мер воздействия на поведение субъектов права. Следует отметить, что позиция Конституционного Суда в этом вопросе совпадает с европейской правовой доктриной и практикой Европейского суда по правам человека, который провозглашает принцип пропорциональности одним из проявлений справедливости. Смысл данного принципа заключается в том, что органы власти не могут возлагать на граждан обязательства, непропорциональные пределам необходимости. Если есть выбор между несколькими целесообразными мерами, необходимо применить те из них, которые будут наименее обременительными для субъекта.

Однако следует отметить, что практика Конституционного Суда РФ, несмотря на высочайший авторитет данного органа, также не отличается абсолютным

единообразием в применении категории «справедливость» и вызывает ряд вопросов. К примеру, некоторые юристы, анализируя правовые акты Конституционного Суда РФ, обращают внимание на то, что понятие «справедливость» используется достаточно часто [1]. Но при этом можно заметить, что суд в разных документах понимает справедливость по-разному – ссылается то на требование справедливости, то на конституционный принцип справедливости, то просто на принцип справедливости, то на общий принцип справедливости, то на социальную справедливость. При этом содержание используемых понятий не раскрывается, не объясняется, как они соотносятся между собой. Таким образом, смешивается ряд понятий, что только усиливает субъективизм и неопределенность понятия справедливости. В качестве доказательства такого разброса в понятиях приводится Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П [2]. В данном Постановлении Конституционный Суд РФ неоднократно употребляет понятие справедливости, в частности:

- «на основе юридического равенства и справедливости» (абз. 2 п. 2.1 мотивировочной части);
- «исходя из общеправового принципа справедливости», «отвечать требованиям справедливости» (абз. 3 п. 2.1);
- «справедливый баланс между ценностями» (абз. 2 п. 3).

Основываясь на данном примере, некоторые авторы считают, что понятие «справедливость» используется в конституционном судопроизводстве только для внешнего усиления мотивировки, придания ее большей значимости, без наполнения его реальным правовым содержанием. Вместе с тем стремление к справедливости в праве должно обеспечиваться не декларативными формулировками, а правовыми средствами.

Однако думается, что подобная критическая точка зрения все же является явным преувеличением реально существующего разнообразия в применении понятия «справедливость».

В своих решениях Конституционный Суд действительно часто оперирует такими понятиями, как «принцип справедливости», «справедливая судебная защита», «справедливое судебное разбирательство», «справедливость судебных решений (судебных актов)». Во всех этих случаях Конституционный Суд ведет речь о справедливости как о совокупности процедурных требований к судебному разбирательству и справедливости как оценке конечного результата разрешения правового спора, т.е. использует категорию справедливости правосудия в процессуальном аспекте. Отсутствие внимания в решениях Конституционного Суда к «материальной» стороне справедливости объясняется не его игнорированием, а тем обстоятельством, что законность и обоснованность применения правовых норм в конкретном деле не является предметом проверки Конституционного Суда, тогда как процедурные правила, включая регламентацию судебных полномочий, постоянно подвергаются конституционному надзору.

Чаще всего Конституционный Суд представляет справедливость как особый «неотъемлемый признак правосудия», без которого оно лишается своих

качеств. «Правосудие по своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и гарантирует эффективное восстановление в правах», – резюмируется в ряде решений Конституционного Суда. При определении конкретного содержания требований справедливого осуществления правосудия Конституционный Суд, прежде всего, обращается к ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3], согласно которой каждому при определении его прав должны обеспечиваться гарантии справедливого правосудия. Используя положения Конвенции в толковании Европейского суда по правам человека, Конституционный Суд выделяет и применяет в своих решениях такой составной элемент (критерий) справедливости судебного разбирательства, как обеспечение равноправия сторон, понимаемое как предоставление сторонам равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов, включая реально предоставленную возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до суда (ПКС от 08.12.2003 № 18-П), а также возможность обжалования действий и решений суда, осуществляющего производство по делу (ПКС от 11.05.2005 № 5-П). Одновременно Конституционный Суд подчеркивает значение данных правовых предписаний как «необходимых гарантий судебной защиты и справедливого судебного разбирательства дела». Наиболее важной представляется интерпретация справедливости правосудия через трактовку содержательной стороны судебных полномочий и оценку законности, обоснованности и истинности судебных актов. И в этой связи мы непосредственно выходим на философские аспекты проблемы справедливости, на вопрос о способах этической аргументации [4], на историко-научные и историко-философские аспекты развития юридической мысли [5]. В любом случае, претензии на философское осмысление процесса предполагают рассмотрение онтологического содержания кризиса нормативности [6; 7].

Между тем принципиально новые социальные реалии, связанные, в частности, с прогрессом в области биотехнологий (вспомним проблему защиты прав личности в условиях противостояния презумпции согласия и презумпции несогласия в трансплантологии [8]), уже не позволяют трактовать справедливость в полном соответствии с прежней правовой и нравственной традицией, как, впрочем, не позволяют от этой традиции и далеко отступать [9].

Библиографический список

1. Кажлаев С.А. Судебное усмотрение в деятельности Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2003. № 11.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 4.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.
4. Викторук Е.Н. Неклассические модели этической аргументации: монография / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Сибирский государственный технологический университет. СПб., 2003. 188 с.

5. Викторук Е.Н., Черняева А.С. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014. 156 с.
6. Мартишина Н.И. Конструирование правовой нормы: онтологическое содержание процесса // Онтология и аксиология права: тезисы докладов и сообщений Седьмой международной научной конференции / Омская академия МВД Российской Федерации. Омск, 2015. С. 22–24.
7. Мартишина Н.И. Кризис нормативности и его онтологические проявления // Онтология и аксиология права: тезисы докладов и сообщений Восьмой международной научной конференции / Омская академия МВД Российской Федерации. Омск, 2017. С. 13–16.
8. Викторук Е.Н., Минеев В.В. Биоэтика. Лекции и материалы к практическим занятиям: учебное пособие для обучающихся по образовательной программе 39.03.02 Социальная работа / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. 140 с.
9. Минеев В.В. Смысл биоэтики: дилеммы инструментализма и метафизики в постижении живого // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2014. № 3 (29). С. 28–31.

ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПЦИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ПРИ ОСМЫСЛЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

THE POTENTIAL OF «LIVING WORLD» CONCEPT IN UNDERSTANDING MODERN GLOBAL PROBLEMS

Н.А. Попкова

N.A. Popkova

Научный руководитель В.В. Минеев
Scientific adviser V.V. Mineyev

Концепция жизненного мира, человек, конфликты, глобальные проблемы, общечеловеческие ценности.

Цель статьи заключается в осмыслении глобальных проблем современности сквозь призму концепции жизненного мира. В статье рассмотрены основные положения концепции жизненного мира, затрагивается проблематика формирования глобальных проблем и их влияние на человека, его жизненный опыт и его представление о мире.

The “living world” concept, human, conflicts, modern global problems, universal human value.

The purpose of the article is to understand the modern global problems through the prism of the concept of the “living world” concept. The article deals with the main ideas and aspects of the “living world” concept, touches upon the problems of the formation of global problems and their impact on the human, his life experience and his idea of the world.

Актуальность выбранной проблематики обусловлена целым рядом причин, как теоретико-философского, так и практического характера. Во-первых, концепция «жизненного мира» («Lebenswelt»), затронутая в работах Э. Гуссерля в начале прошлого века и разработанная его последователями и сторонниками А. Шюцем, П. Бергером, Т. Лукманом и др., приобрела к настоящему времени междисциплинарный характер, поскольку изучается в разных социогуманитарных науках.

Во-вторых, весь путь становления человеческой цивилизации сопровождался различного рода проблемами, суть и характер которых варьировались в зависимости от конкретного исторического этапа развития. Часть проблем уходила вместе с соответствующим этапом, часть переходила на другой уровень, сохраняя или утрачивая свою остроту. Современный этап развития экономики и мирового хозяйства отягощен не только некоторыми проблемами индустриального периода, но и частью принципиально новых, появление которых вызвано стремительным развитием глобализационных процессов. Геополитические, экономические, общественные изменения, происходящие в последние десять лет, вно-

сят серьезные коррективы в жизненный мир человека. При этом имеется в виду «жизненный мир» в том понимании, которое в него вкладывал Гуссерль и его последователи: единство опыта и деятельности человека в повседневной жизни, его представления об окружающем мире. Несмотря на толерантность, межнациональную терпимость и прочие «либеральные ценности», которые стараются прививать в европейском обществе, жизненный мир простого обывателя такие изменения не принимает и даже отвергает.

Таким образом, выбранная проблематика представляется актуальной и значимой для исследования.

Цель статьи заключается в осмыслении глобальных проблем современности сквозь призму концепции жизненного мира.

Отметим, что рассматриваемая концепция возникла в противовес изысканиям естественных и социогуманитарных наук Нового и Новейшего времени, которые, по мнению Э. Гуссерля, были слишком оторваны от реального мира в пользу мира «идеальных сущностей». *Lebenswelt* выступает «универсумом жизнепрактических смыслов, обладающих непосредственной очевидностью, тотальной конфигурацией взаимосогласованного человеческого опыта» [1].

Сущность концепции жизненного мира заключается в следующем.

Жизненный мир человека – это представления индивида о мире. По мысли Гуссерля, жизненные миры есть сфера «донаучных очевидностей» [2, с. 8]. Именно донаучные очевидности (повседневный и чувственный первичный опыт) позволяют познавать мир, который дан человеку. Поэтому «у каждого из нас свои явления, и для каждого эти явления имеют значимость действительно сущего» [2, с. 47]. Последователи Э. Гуссерля отмечают, что постулаты концепции «жизненного мира» позволяют разрешить проблему интеграции жизненного опыта индивида, окружающего мира как единого объекта философского и естественнонаучного познания [3].

Говоря о глобальных проблемах современности нельзя не отметить их специфический общественный характер. Если еще пятьдесят лет назад ученые били тревогу по поводу ограниченности ресурсов, изменения климата, антропогенного воздействия на окружающую среду и прочих природно-биологических и технологических проблем, то сегодня совершенно очевидно на первый план выходят проблемы общественные: социальные, этнические, межнациональные, культурологические и т.д. [4]. Более того, общественные проблемы приобретают глобальный характер, поскольку современное развитие технологий, наличие интеллектуальных, информационных и духовных ресурсов обеспечивает их широкое распространение.

При этом общетеоретическое и философское осознание выделенных общественных проблем существенно ограничивается целым рядом условностей, табу и запретов, которые становятся таковыми на наших глазах. В этом случае мы наблюдаем созданием новых «идеальных сущностей», которые не позволяют объективно осмысливать причины и следствия возникающих проблем с тем, чтобы выработать алгоритмы их решения. Необходимы новые модели этической аргу-

ментации [5]. При этом концепция жизненного мира подразумевает и рефлекссию над самими интуициями жизни и мира [6], жизни и смерти [7].

В этой связи постулаты концепции «жизненного мира» могут стать тем инструментом, который будет способствовать не только обозначению той или иной глобальной проблемы, но и, по большому счету, поможет сохранить индивида в его культурной, языковой и социальной идентичности, несмотря на все важные перемены в системе ценностей [8]. Феноменология становится важным инструментом противодействия технократическим, биологизаторским и наиболее радикальным трансгуманистическим тенденциям [9].

Библиографический список

1. Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. № 4, дек. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.li/IfAqu>
2. Гуссерль Э. Кризис Европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. СПб.: Наука, 2013. 494 с.
3. Комаров М.С. Эдмунд Гуссерль о кризисе европейской науки // Ярославский педагогический вестник. Сер.: Философия. 2006. № 6. С. 5–10.
4. Минеев В.В. Формирование представлений о глобальном эволюционизме и синергетике в процессе изучения курса «История и философия науки» // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2008. Вып. 2/3. С.13–20.
5. Викторук Е.Н. Неклассические модели этической аргументации: монография / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Сибирский государственный технологический университет. СПб., 2003. 188 с.
6. Тайгунова Т.В. «Жизнь» как синтез социально-биологических представлений о человеке // Евразийский юридический журнал / Московский гос. юр. ун-т им. О.Е. Кутафина. 2018. № 6. С. 501–503. ISSN 2073-4506. Журнал из перечня ВАК. URL: <https://eurasianlaw.ru/>
7. Тайгунова Т.В. Жизнь через призму смерти // Евразийский юридический журнал. Московский гос. юр. ун-т им. О.Е. Кутафина. 2018. № 5. С.448–450. ISSN 2073-4506. Журнал из перечня ВАК. URL: <https://eurasianlaw.ru/>
8. Викторук Е.Н. Этика перемен: очерки неклассических теорий морали. Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2002. 188 с.
9. Минеев В.В. Феноменология как стратегия сопротивления медиализаторским установкам // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. № 3 (20). С. 54–60. DOI:10.12737

ИСТОРИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИИ КАК ВАЖНЕЙШЕГО НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHENOMENOLOGY AS AN ESSENTIAL CURRENT IN MODERN PHILOSOPHY

А.Ф. Гох

A.F. Gokh

Научный руководитель **Е.Н. Викторук**
Scientific adviser E.N. Viktoruk

Феноменология, экзистенциализм, трансцендентальность, интенциональность, научность.

В работе анализируются исторический путь становления феноменологии и ее влияние на современные науки. Феноменология науки – это одновременно особым образом понятая история науки. Раскрывается идея научности через феноменологию как важнейшее направление современной философии.

Phenomenology, existentialism, transcendental, intentionality, scientific character.

In work the historical way of formation of phenomenology and its influence on modern sciences is analyzed. The phenomenology of science is at the same time in a special way understood history of science. The idea of scientific character through phenomenology, as most important direction of modern philosophy reveals.

Практически каждый мыслитель своего времени приписывал своей эпохе времена кризиса. С этой мыслью мы можем соглашаться или нет, на самом деле не мы определяем время апогея противоречий, а лишь время расставляет все по своим местам. Зарождение феноменологии происходит на фоне значимых открытий естественных наук Нового времени. Казалось бы расцвет цивилизации, по крайней мере европейской, не должен порождать кризиса ни жизненного, ни духовного. Однако к концу XIX века начинает явно вырисовываться и нарастать кризис европейских наук. Мыслители того времени рассматривали в основном причины кризиса в сопоставлении с предшествующим этапом (классической наукой). Будет своевременным упомянуть об одном из философских течений, возникшем из феноменологии, поскольку их позиции в то время были очень сильны. Это направление сформировалось несколько позднее, в 30-х годах XX века, и получило название – экзистенциализм (Хайдеггер, Ясперс и Сартр). Тем не менее искаженность толкования ими гуссерлевского наследия привела к ложному убеждению, что экзистенциализм и есть истинное разворачивание феноменологии.

Вот что отмечает К. Ясперс (1931): «Все пришло к кризису, которого нельзя ни обозреть, ни понять из единого основания и поправить дела, но можно осознать, перенести и превозмочь, как нашу судьбу»¹. Негативизм, отчаяние экзистенциализма ставит заслон выбору человека своего исторического будущего и выступает как фатальная реальность.

Формирование феноменологии как течения в философии приписывают, и не безосновательно, Эдмунду Гуссерлю (1859–1938). Гуссерль невероятно образован и эрудирован. Математик по науке, психолог, увлекшись философией, полностью посвятил свою научную деятельность последней. Получилось так, что конец жизни проводит в одиночестве, умирает от плеврита. Но его идеи, мысли, взгляды до сих пор оказывают значительное влияние на подавляющую часть современной философии, науки.

Огромное воздействие на его философию оказали видные философы XIX века Бернард Больцано (1781–1848) и Франц Brentano (1838–1917).

Первый был убежденным метафизиком и последователем Лейбница (1646–1716), выступал против психологизма, отвергал учение Канта (1724–1804) о невозможности метафизического познания. Больцано уверовал в существование истины, вне зависимости от того, выражена она или нет. Для Гуссерля, увлеченного психологизмом, это стало новым видением, которое он воспринял, и которое позволило ему «расчистить путь» к феноменологии.

Brentano повторно ввел понятие «интенциональность» как «направленность на объект», то что подхватил Гуссерль и заложил в основание феноменологии. «Любой психический феномен содержит в себе нечто в качестве объекта, хотя и не одинаковым образом. В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любит, в ненависти – ненавидится и т.д.»².

Идеи Гуссерля опубликованы в следующих работах: «Логические исследования» (1901), «Философия как строгая наука» (1911), «Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913), «Трансцендентальная логика и формальная логика» (1921), «Картезианские размышления» (1931). В 1954 г. миру было представлено законченное последнее произведение мыслителя – «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», написанное незадолго до смерти, а также и другие работы, дошедшие до нас в виде рукописей.

Следует подчеркнуть, что апофеоз творений Гуссерля пришелся на очень сложный исторический период, так называемый «закат Европы» (по Шпенглеру). Это и Первая мировая война, разрастание нигилизма, зарождение фашизма. Философ на себе испытал гонение, предательство, забвение, тревогу за жизнь семьи. И все же вот какую позицию, в отличие от экзистенциалистов, занимает Гуссерль по отношению к кризису (1935): «Столь часто обсуждаемый сегодня, проявляющийся в бесчисленных симптомах раскола жизни «кризис евро-

¹ Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. В., 1931. С. 67.

² Brentano Ф. Избранные работы / составл., перев. с нем. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. С. 33.

пейского бытия» не есть темная судьба, неизбежный рок, но становится понятным и обозримым на основе философски раскрываемой телеологии европейской истории»³. Выбор, каким путем выходить из кризиса, и который предрекает мыслитель, и в будущем будет не раз возникать перед человечеством: кризис «имеет только два исхода: гибель Европы вопреки ее изначальному рациональному жизненному смыслу, деградация до состояния, при котором будет утрачена всякая духовность и в этом смысле восторжествует варварство, или возрождение Европы из духа философии, благодаря героизму разума...»⁴.

Философ отчетливо противопоставляет «телос» как рациональный смысл «объективному духу» Гегеля (1770-1831). Различие заключается в способе морально-этического обращения к сознанию индивида. Предназначение человека, по Гуссерлю, стоическая решимость в «борьбе без надежды на успех»⁵. Как видим, мыслитель не отбрасывает этику экзистенциализма, поскольку безрассудство свойственно категорически-императивным экзистенциальным актам, но возлагает историческую ответственность на человечество за человечество. Эта мысль философа следует центральным понятием, как европейская духовность, в его последнем научном труде «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология». Над этим произведением Гуссерль работал с 1934 по 1937 г. Поводом к его возникновению явился доклад, с большим успехом сделанный им в Вене 7 мая 1935 г., и, следуя единодушному желанию публики, повторенный 10 мая, и четыре доклада в Праге (ноябрь того же года). Доклад назывался «Философия в условиях кризиса европейского человечества». К сожалению, эта работа осталась незавершенной, но из сохранившихся многочисленных записей обнаруживается тесная взаимосвязь философии с историей. Мы попытаемся в анализе означенного произведения раскрыть многогранность мышления Эдмунда Гуссерля и проследить исторический путь становления феноменологии который стал важнейшим направлением современной философии.

Приближение кризиса предрекали многие мыслители того времени, практически современники Эдмунда Гуссерля – Фридрих Ницше (1844–1900), Карл Маркс (1818–1883), Освальд Шпенглер (1880–1936) и др. Каждый из них видел причину кризиса по своему, а соответственно, и отношение к нему. Как мы уже показали на примере, у Гуссерля была своя, выгодно отличающаяся, точка зрения.

Эдмунд Гуссерль в своем бессмертном произведении погружает читателей не только в повествование по разворачиванию истории развития европейских наук, приведшей к кризису, но и досконально раскрывает причины кризиса, и главное – предлагает путь преодоления. Для этого, по мнению ученого, необходимо всеобщее осознание, что мы проживаем в мире интенциональных объектов, а отнюдь не в мире трансцендентальных. Пропадает скептицизм в отношении универсального знания как в среде философов и ученых, так и в целом в обществе.

³ Husserliana. 1956. Bd. VI. S. 347.

⁴ Husserliana. Bd. VI. S. 347–348.

⁵ Husserliana. Bd. VI. S. 348.

По мнению Э. Гуссерля, следует воспринимать в науке свой, особый способ мышления, признавать науку как высокоэффективный метод исследования картины мира, им порожденный, в него и претворяющийся. Философское рассмотрение науки заставляет выйти за ее собственные пределы и задаться вопросами о смысле научной деятельности. Обнаружить смысл современной науки невозможно без выхода на ее историю – и в этом также своеобразие феноменологии: феноменология науки – это одновременно особым образом понятая история науки.

Тексты Гуссерля невозможно оценить как легко читаемые, хотя мыслитель утверждает, что он старался писать доступным и привычным языком, для широко понимания, и не только философами. Это можно объяснить колоссальной неподатливой сложностью и трудноуловимостью той материи, которую он рассматривает. Гуссерль вынужден был вводить новые дефиниции и понятия, чтобы мотивированно объяснить разворачивание идеи при помощи морфем и синтаксических инверсий.

На сегодняшний день феноменология, как направление в философии науки занимает значительное место. Она не только утвердилась после Гуссерля в мире науки, но и получила продолжение.

Наиболее яркими представителями современной феноменологии следует признать французских мыслителей-экзистенциалистов Сартра (в ранних сочинениях – разработка понятия «интенциональность», в «Бытии и ничто» – феноменов бытия и бытия-в-мире), Мерло-Понти (феноменологическое восприятие – в связи с темами жизненного мира, бытия-в-мире), Рикера (преобразование, вслед за Хайдеггером, трансцендентально ориентированной феноменологии в онтологическую феноменологию, а затем – в «герменевтическую» феноменологию), Левинаса (феноменологическое конструирование Другого), Дюффрена (феноменологическая эстетика).

Со второй половины XX в. феноменология увлекла и американское научное сообщество: Фарбер, издатель популярного журнала «Philosophy and Phenomenological Research»; Кэрнс («Guide for Translating Husserl»); Гурвич (разрабатывавший феноменологически ориентированную философию и психологию языка); Шутц (феноменологическая социология); Уайльд («реалистическая феноменология»); Натанзон (феноменологический метод в проблемах эстетики и социологии); Ерл («феноменология события»); Иди (феноменология языка); Соколовски (интерпретация феноменологии сознания и времени); Занер (феноменология тела), Шпигельберг («Феноменологическое движение»); Тыменецка (ученица Ингардена, директор Института феноменологических исследований, издатель «Analecta Husserliana»); Дрейфус (феноменология и искусственный интеллект), Смит и Макинтайр (аналитическая феноменология и проблематика интенциональности); издан трехязычный глоссарий феноменологических терминов «The Hague».

Германия по праву остается влиятельным центром гуссерлианы. Штрекер, Клэсгес, Элай, Янсен; директор архива К.Дюзинг в Кёльне, ученые во

Фрайбурге-в-Брейсгау, в Бохуме (школа Вальденфельса), в Вупертале (Хельд), в Трире (Орт – издатель журнала «Phänomenologische Forschungen») и другие продолжают исследования в области феноменологии. Ведется работа над рукописями Гуссерля, вдохновителем и продолжателем идей остается Лувенский архив.

Ингарден, в свое время, сделал Польшу одним из центров феноменологической эстетики, а в Чехии, благодаря Паточке, сохраняются феноменологические традиции.

В послевоенные годы большое внимание исследователей уделялось теме «Феноменология и марксизм» (в ее разработку внесли вклад вьетнамско-французский философ Тран-дюк-тао, итальянский философ Пачи, югославский философ Паганин, немецкий исследователь Вальденфельс).

Начиная с 1960-х гг. феноменология занимает свое место в научных исследованиях советских ученых (Бабушкин, Бакрадзе, Богомолов, Бочоришвили, Гайдено, Зотов, Ионин, Какабадзе, Киссель, Кулэ, Мамардашвили, Матьюс, Михайлов, Мотрошилова, Рубенис, Рубене, Содейка, Тавризян, Соловьев и др.). В современной России работает Феноменологическое общество, существует журнал «Логос», активны исследовательские центры при Институте философии РАН и РГГУ.

Феноменология широко исследуется и в странах Азии.

Было бы неверным полагать, что феноменологический проект, предложенный Гуссерлем, возможность интеграции которого в философию науки появилась в наше время, исчерпывает собой область феноменологии науки. Феноменологию науки нельзя ограничивать исключительно феноменологической методологией Гуссерля, ее необходимо понимать как часть философии науки, занятой прояснением идеи науки. Так, феноменология уделяет огромное внимание постижению интуиций жизни и смерти [19]. Она может стать инструментом сопротивления технократизму и медикализаторству [10].

Философии присущи история науки, теория науки и история философии науки. Однако, помимо этих дисциплин, существует или должна существовать идея науки вообще или идея научности. Феноменология науки и есть дисциплина в рамках философии науки, предметом которой является анализ идеи науки. Частным примером такого анализа является описанный феноменологический подход Гуссерля к феномену науки. Задача феноменологии науки – показать границы человеческого мышления в создании им идеала научного познания, так называемой научности.

Лишь идея научности как дополнение позволяет обосновать претензии предмета философии науки на универсализм.

Библиографический список

1. Бряник Н.В. Общие проблемы философии науки: словарь для аспирантов и соискателей // сост. и общ. ред. Н.В. Бряник; отв. ред. О.Н. Дьячкова. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2007. 318 с.

2. Викторук Е.Н., Черняева А.С. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск. 2014.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология/Э. Гуссерль // Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / пер. В.И. Молчанова // Логос. 2002. № 1 (32).
5. Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М., 2003.
6. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. 591 с.
7. Ингарден Р. Введение в феноменологию Э. Гуссерля. М., 1999.
8. Макухин П.Г. К вопросу критического осмысления идей европоцентризма в трактовке науки: понимание Э. Гуссерлем науки как «врожденного телоса» «европейского человечества» // Молодой ученый. 2014. № 14 (73).
9. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. 816 с.
10. Минеев В.В. Феноменология как стратегия сопротивления медиализаторским установкам // Научно-исследовательские разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. № 3 (20). С. 54–60.
11. Молчанов В.И. Предпосылки и беспредпосылочность феноменологической философии // Логос. 1999. № 9 (20).
12. Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007.
13. Мотрошилова Н.В. Новая актуальность идей Э. Гуссерля о «кризисе европейских наук и европейского человечества» // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2008. № 2.
14. Мотрошилова Н.В. Работы разных лет: избранные статьи и эссе / предисл. А.А. Гусейнова. 2005.
15. Разеев Д.Н. Феноменология науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2004. Вып. 1 (№ 6).
16. Слинин Я.А. Кризис европейского человечества: в чем он состоит и какие средства предлагает Эдмунд Гуссерль для его преодоления. СПб.: Владимир Даль, 2004.
17. Слинин Я.А. Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование. СПб., 2001.
18. Соловьев Э.Ю. История и этика в феноменологии позднего Гуссерля. М., 1991.
19. Тайгунова Т.В. «Жизнь» как синтез социально-биологических представлений о человеке // Евразийский юридический журнал / Московский гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина. 2018. № 6. С. 501–503. ISSN 2073-4506. Журнал из перечня ВАК. URL: <https://eurasianlaw.ru/>
20. Тайгунова Т.В. Жизнь через призму смерти // Евразийский юридический журнал / Московский гос. юр. ун-т им. О.Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 448–450. ISSN 2073-4506. Журнал из перечня ВАК. URL: <https://eurasianlaw.ru/>

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ «ПОНИМАНИЕ» ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЕЙ?

MAY WE INTERPRET UNDERSTANDING
AS EPISTEMOLOGICAL CONCEPT?

А.С. Черняева

A.S. Chernyaeva

Научный руководитель Е.Н. Викторук
Scientific adviser E.N. Viktoruk

Понимание, методология науки, научное познание, объяснение.

В статье рассматривается вопрос о статусе понятия «понимание», исследуется его функционирование в различных контекстах: обыденном языке, языке социально-гуманитарных наук, языке науки в целом.

Understanding, methodology of science, scientific cognition, explanation.

The article addresses the issue of the status of the concept of “understanding”, explores its functioning in various contexts: everyday language, the language of the social sciences and humanities, the language of science in general.

Теоретическое знание выражается посредством специфического языка – языка понятий. И эти понятия могут быть общими для целых областей науки, а могут быть узкоспецифичными. «Понимание» вообще далеко не всеми будет опознано в качестве понятия. Как показывают опросы, проводимые среди обучающихся, «понимание» чаще всего связывают со способностью объяснять, передавать знания; кроме этого, его трактуют как усвоение знаний, осознание смысла. Понимание часто трактуют как такой компонент мышления, который обеспечивает связь между новыми и уже известными свойствами объекта. Популярное психологическое толкование понимания описывает его как специфическое состояние сознания, при котором субъект уверен в адекватности собственных представлений содержанию действительности, ощущает ясную внутреннюю связанность и логическую упорядоченность объектов и явлений.

А между тем «понимание» как понятие функционирует в различных теоретических контекстах. Традиционной является постановка проблемы понимания в связи с такими задачами, как понимание языкового текста (естественных и формализованных языков); понимание произведений искусства (что можно рассматривать как понимание языка художественных образов и символов); взаимопонимание людей в процессе общения (достижение согласия); понимание другой индивидуальности (эмпатия, вчувствование); понимание иной культуры; понимание иных исторических эпох; взаимопонимание различных социальных

систем; «понимание» в общении с искусственным интеллектом; проблемы понимания, возникающие в процессе становления и развития научного знания [1, с. 4–5; 76–77]. Одним из перспективных направлений исследования феномена понимания становится обращение к опыту иных мышлений, в частности к внутреннему миру представителей аутистического спектра [2]. Особенности понимания, присущие аутистам, тесно связаны с их самоидентификацией [3].

Особого упоминания заслуживает использование термина «понимание» в связи с развитием информационных технологий. Возникает новое виртуальное пространство коммуникации, требующее средств накопления, хранения, передачи информации, кодирования и декодирования. Поиск и исследование возможностей создания искусственного интеллекта переводит проблему понимания в плоскость инженерно-технических решений, наполняя ее новым содержанием. В XIX веке, когда совершенно ясно осознаются существенные роль и значение науки в развитии человечества, наука становится объектом философской рефлексии. И в это же время в трудах по логике и методологии науки обнаруживаются новые методологические возможности понимания. Понимание интерпретируется как метод, специфический для социально-гуманитарного познания. В этом случае понимание противопоставляется объяснению, методу, присущему естествознанию. В процессе объяснения опытные данные систематизируются, описываются через родовые понятия, служат основой для выведения законов, субъект же остается за границами научного познания. Когнитивный аспект оказывается неразрывно связанным с этико-аксиологическим [4]. И поскольку предметом социально-гуманитарных наук является историческая реальность и различные проявления жизненного мира человечества, то «объясняющая редукция» не позволяет исследовать уникальное, единичное, иррациональное. Отсюда возрастание актуальности феноменологического метода [5].

Вопрос о специфике понимания в качестве метода познания до сих пор не получил однозначного решения. Безусловно, явления культуры постигаются посредством интерпретации смыслов, которые вкладывали в свои действия субъекты. И это, казалось бы, должно ограничивать «понимание» социально-гуманитарной сферой. Однако в последние десятилетия были выявлены и до сих пор остаются объектом исследования социокультурные основания науки. Наука не является ценностно-нейтральной, ценности науки представляют собой сложную систему, в которую включаются и профессиональные, и теоретические, и социальные, и экзистенциальные ценности. Исследование ценностей – прерогатива понимания и интерпретации. В современной гносеологии, эпистемологии и методологии происходит универсализация понимания, распространение его с гуманитарной сферы на социальное познание, а затем и на познание как таковое.

В самой науке намечается тенденция стать «понимающей» («понимающая социология», «понимающая география», «понимающая психиатрия»). Исследователи решают задачу по созданию теории понимания, которая бы могла стать элементом методологии и социально-гуманитарных, и естественных наук. Более того, наука и ее методология сами становятся предметом понимания, что позво-

ляет рассмотреть их комплексно, не исключая того, что не составляет собственно научную составляющую исследования.

Современный тип научной рациональности опирается на представление об объекте (о мире в целом) как о сложной открытой неравновесной саморазвивающейся и самоорганизующейся системе. А это значит, что познание такого объекта должно быть комплексным, объединяющим методы естественных и социально-гуманитарных наук, расширяющим методический репертуар за счет включения в него внерациональных способов познания. Таким образом, неизбежно включение «понимания» в органон науки: понимание как основание любых мыслительных процедур связано с любой сферой человеческого бытия и любым видом деятельности. Проблема понимания имеет множество аспектов: взаимопонимание в обучении [6], единство научной школы [7], логическая компетентность [8], демаркация науки [9], преемственность поколений [10]...

Библиографический список

1. Викторук Е.Н., Черняева А.С. Феномен понимания в социально-философской рефлексии: монография. Красноярск: СибГТУ, 2009. 159 с.
2. Викторук Е.Н., Гох А.Ф., Минеев В.В. Феномен аутизма в культурно-антропологической перспективе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. № 3 (24). С. 27–34. DOI: 10.12737/article_5ba39886ea06c9.12791496
3. Gokh A.F, Mineev V.V., Viktoruk E.N. Defending Identity And Diversity: The Potential of Cultural Anthropology for Reshaping Autism // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 11(12). Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. Т. 12, № 5. С. 1947–1961. DOI: 10.17516/1997-1370-0368
4. Викторук Е.Н. Неклассические модели этической аргументации: монография / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Сибирский гос. технол. ун-т. СПб., 2003. 188 с.
5. Минеев В.В. Феноменология как стратегия сопротивления медиализаторским установкам // Научно-исследовательские разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. № 3 (20). С. 54–60.
6. Артемьева С.И. К содержанию подготовки бакалавра: методологический аспект // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2012. № 1 (1). С. 49–52.
7. Артемьева С.И. Проблемы создания научных школ в педагогике // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2013. № 2(3). С. 3–7. DOI: 10.12737/619
8. Мартишина Н.И. Логическая компетентность как основа науки и профессионального образования // Высшее образование в России. 2011. № 5. С. 129–135.
9. Мартишина Н.И. Когнитивные основания паранауки. Омск: ОГТУ, 1996. 187 с.
10. Кислов А.Г. Социокультурные смыслы детства. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. 152 с.

ИДЕИ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

IDEAS OF MORAL EDUCATION IN THE HISTORY OF RUSSIAN PEDAGOGY

А.И. Майстренко

A.I. Maistrenko

Нравственность, педагогика, нравственное воспитание, православие, церковь.

Статья посвящена проблеме нравственного воспитания. Важной вехой в данном вопросе стала середина XIX в., когда в России происходит становление научной педагогики. Была сделана попытка определения основы нравственного воспитания в разные периоды российской истории.

Morality, pedagogy, moral education, Orthodoxy, Church.

The article is devoted to the problem of moral education. An important milestone in this issue was the middle of the XIX century, when in Russia there is the formation of scientific pedagogy. An attempt was made to determine the basis of moral education in different periods of Russian history.

В XXI в. проблема нравственного воспитания встала на государственном уровне. Исходя из государственного заказа, педагогике необходимо выработать цели и задачи нравственного воспитания и разработать соответствующую теорию и методiku. Эту проблему можно решить, помимо прочего, посредством анализа отечественного педагогического наследия.

Именно в середине XIX в. в России происходит становление педагогики как науки, у которой имеются свои цели, задачи, предмет, научные методы, особенности и организация [3, с. 59]. И одним из главных деятелей в этой области был К.Д. Ушинский (1824–1870). Многие исследователи связывают именно с ним оформление педагогики как области знания [2, с. 142].

К.Д. Ушинский считал, что в нравственном воспитании огромное значение играет гуманное, отзывчивое, уважительное и тактичное отношение учителя к ребенку. Он выделяет воспитание как решающий фактор развития человека [1, с. 269], говорит, что детей нужно упражнять в нравственном поведении. Он считал, что развитие человека будет успешно осуществляться при сочетании физического, умственного и нравственного начал.

Знаменитый хирург и педагог Н.И. Пирогов (1810–1881) в своих работах часто призывал взрослых к активному участию в волшебном мире ребенка, в его интересах, первых ростках духовных стремлений. Пирогов считал роль женщины, матери важной в созидании нравственности ребенка. Она может собственным примером воспитать в ребенке нравственные качества.

В основе нравственности личности, согласно В.С. Соловьеву (1849–1900), лежат стыд, жалость и религиозное чувство (благоговение). Огромная роль философом отводилась способности к жалости или сострадательности, так как «она дает норму для альтруистической деятельности по правилам справедливости и милосердия, а такая деятельность приводит к нравственному благу истинной общественности или солидарности с другими» [4, с. 141].

Одним из главных понятий в педагогике П.А. Кропоткина (1842–1921) было «взаимопомощь», в котором проявляются элементы нравственного воспитания. Для того чтобы добиться развития взаимопомощи в совместной деятельности в соответствии с его идеями, нужно воспитывать в ребенке «инстинкт общительности».

Вентцель (1857–1947) считал, что самая важная и самая трудная область воспитания – нравственное воспитание, цель которого усматривал в развитии лучших человеческих устремлений. Идея взаимной поддержки в детском труде, в которой развивалась способность детей объединять усилия в реализации общего дела, является общей нитью в теоретической и практической деятельности С.Т. Шацкого (1878–1934).

Конец XIX – начало XX в. стало временем серьезных противоречий в развитии общества. С одной стороны, сотрудничество государства и Церкви, возвращение полноты Церковной жизни, осуществление ею общественного и педагогического служения: стоит вспомнить практику церковноприходских школ, которые обеспечивались в основном церковью и народом, значительный подъем богословского, особенно академического образования; с другой стороны – быстрый рост сил, отторгавших православие в целом и православие в образовании в частности.

Но тем не менее важно отметить, что, несмотря на отделение церкви от государства и обретение светского статуса, государство до 1917 г. активно и тесно сотрудничает с Русской Православной Церковью и поддерживает ее в большинстве вопросов, и в частности в делах воспитания и образования. Таким образом, в этот период именно РПЦ играет ключевую роль в нравственном воспитании будущего поколения.

С 1917 г. развитие православных педагогических идей и духовно-нравственного воспитания в России практически прекратилось. Интересно, что одним из самых первых декретов Временного правительства был декрет об отделении школы от церкви, в соответствии с которым духовенство, составлявшее более трети преподавательского состава церковноприходских школ, были отстранены от учительства, а сами школы перешли в ведение Министерства народного просвещения.

Социокультурной основой содержания образовательного идеала личности стала политика Советского государства в области образования, которая выполнялась по двум направлениям: 1) деятельность государственных и партийных органов, нацеленная на культивирование социалистических ценностей; 2) регуляция направления воспитания посредством государственного заказа на его содержание.

ЦК КПСС играл определяющую роль в формировании критериев воспитания коммунистической морали. Ученики советской системы образования должны были быть самоотверженно преданы Родине, народу, Коммунистической партии и Коммунистическому делу; постоянно и сознательно трудиться на благо общества; быть готовыми преодолеть любые трудности; быть правильно образованными и обладать техническими знаниями.

Помимо политически заостренных качеств личности в советское время, в воспитательный идеал включались также более универсальные ценности: коллективизм, дружелюбие; честность и справедливость, трудолюбие, чувство общественного долга, желание трудиться на благо общества, любовь к Родине, уважение к родителям, забота о младших, вежливость в обращении к старшим, личное достоинство; ответственность за свои поступки.

1980-е гг. являются переломными в общественно-политической и культурной сферах. Церкви разрешается более масштабно заниматься образованием. Это событие стало важным условием для возрождения духовно-нравственного воспитания досоветской эпохи. Конечно, трансформации в области нравственного воспитания связаны не только с легитимацией церковной активности. Новые риски возникают в связи с изменением механизмов общественно-государственного управления образованием [5], радикальным изменением характера информационно-образовательной среды [6], в связи с быстро разворачивающейся глобализацией [7] и становлением поликультурного сообщества [8]. Нравственный аспект имеет практически любая серьезная социальная, социально-педагогическая инновация, например, переход к полипрофессиональному образованию [9]. Активно исследуются нравственно-воспитательные процессы в культурных сообществах, в частности в аутическом сообществе [10]. Предметом социологического и философского анализа становятся механизмы вовлечения масс в процессы формирования экологической, биомедицинской, фармацевтической этики [11].

Нравственное воспитание личности в постсоветской России более свободно от какой-либо идеологии, в отличие от предыдущих этапов истории развития педагогической мысли, но тем не менее основывается на общих христианских ценностях и строится на сотрудничестве государства и православной церкви.

Библиографический список

1. Бирич И.А. Философская антропология и образование: На путях к новому педагогическому сознанию. М.: Жизнь и мысль: Моск. учеб., 2008. 269 с.
2. Богуславский М.В., Занаев С.З. К.Д. Ушинский классическое наследие для современного образования // Проблемы современного образования. 2014. №1. С. 141–150.
3. Викторук Е.Н., Минеев В.В., Черняева А.С. История и философия науки: от эпистемологии к этике: учебное пособие для аспирантов / Краснояр. гос. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. 172 с.
4. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. М.: Директ-Медиа, 2012. 654 с.
5. Артемьева С.И., Положенцева И.В., Шишов С.Е. Управление рисками в процессе внедрения механизмов реализации моделей государственно-общественного управления образованием // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2016. № 1(14). С. 61–64. DOI: 10.12737/issn.2306-1731/18424

6. Рабаданова Р.С. Функции опережающего образования // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2012. № 1(1). С. 4–6.
7. Шишов С.Е. Изменяющаяся многомерная социокультурная среда глобализирующегося мира и ее влияние на систему российского профессионального образования // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2014. № 2(7). С. 45–52. DOI: 10.12737/4658
8. Бикбулатова В.П., Рабаданова Р.С., Юлина Г.Н. О роли поликультурного образования в развитии мотивационно-познавательной сферы студентов // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2013. № 4(5). С. 12–15. DOI: 10.12737/2114
9. Кислов А.Г. К вопросу роста значения общеобразовательных учебных дисциплин в профессиональных образовательных программах // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: материалы 22-й Международной научно-практической конференции. 2017. С. 79–82.
10. Gokh A.F, Mineev V.V., Viktoruk E.N. Defending Identity And Diversity: The Potential of Cultural Anthropology for Reshaping Autism // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 11(12). Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. Т. 12. № 5. С. 1947–1961. DOI: 10.17516/1997-1370-0368.
11. Mineev V.V., Viktoruk E.N., Rakhinsky D.V., Shtumpf S.P., Chernyaeva A.S. Pharmaceutical Ethics in the Frame of Bioethical Knowledge: Challenges for Development, and a Potential of Foucault's Key Ideas // Journal of Pharmaceutical Sciences and Research. 2018. Vol. 10(11). P. 2948–2951.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ОПРОСА В КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

USING THE SURVEY METHOD IN THE CONTEXT OF EDUCATIONAL RESEARCH

М.А. Машуков

M.A. Mashukov

Научный руководитель В.И. Петрищев
Scientific adviser V.I. Petrichtchev

Педагогика, метод, опрос, обучающиеся, педагог.

В статье рассматриваются различные типы опроса, которые используются при написании педагогического исследования, а также рекомендации по предотвращению негативного восприятия опрашиваемых.

Pedagogy, method, survey, students, teacher.

The article discusses the various types of survey that are used in writing pedagogical research, as well as recommendations to prevent negative perception of the respondents.

Работа в области педагогики или участие в педагогической деятельности является работой не только педагогов-новаторов и педагогов-исследователей. Сама природа воспитательной деятельности и учебной работы, ее содержание определяют необходимость участия в педагогических исследованиях каждого, кто по своей деятельности занимается обучением и воспитанием.

Есть как минимум две причины для участия педагога в научном поиске. Одна из них – это то, что в педагогической практике нет повторяющихся и стандартных ситуаций. Благодаря неповторимости учеников и разнообразию их мышления, педагог вынужден самостоятельно искать верный путь [3].

Вторую причину описывал К.Д. Ушинский. Он говорил, что хорошим средством от утомительного однообразия учительского труда является изучение своего и чужого педагогического опыта.

Для правильного и точного проведения педагогического исследования, педагогу или тому, кто взялся за это исследование, нужно знать и ориентироваться в методах и видах такого исследования, разбираться в методиках, знать группы методов и конкретные виды.

Из большинства методов одним из самых популярных в практике педагогических исследований является метод опроса.

Опрос – это всегда общение, уникальный способ коммуникации, результаты которого зависят от очень многих факторов. Например, от вида опроса, от внешнего вида, манер, коммуникативных навыков и даже пола интервьюера; от внеш-

него вида и содержания анкеты, ее размеров, от ситуации опроса и т.д. Соответственно, при составлении методики, необходимо учитывать влияния всех этих факторов, чтобы искоренить негативное влияние.

Опрос может быть непосредственным (беседа, интервью) и опосредованным (анкетирование). Различают также групповой и индивидуальный опрос, очный и заочный, устный и письменный.

Все эти методы характеризуются одним ведущим признаком: с их помощью исследователь получает ту информацию, которая заложена в словесных сообщениях опрашиваемых (респондентов). Это, с одной стороны, позволяет изучать мотивы поведения, намерения, мнения и т.п. (все то, что не подвластно изучению другими методами) и, с другой – делает эту группу методов субъективной (не случайно у некоторых социологов существует мнение, что даже самая совершенная методика опроса никогда не может гарантировать полной достоверности информации) [1].

Проведению опроса должны предшествовать разработка исследовательской программы, четкое определение целей, задач, понятий (категорий анализа), гипотез, объекта и предмета, а также выборки и инструментария исследования.

Вопросы должны служить достижению цели исследования, решению его задач, доказательству и опровержению его гипотез, это способ фиксации категорий анализа.

Не стоит забывать, что от двух моментов зависит эффективность опроса: хочет ли респондент отвечать на вопросы и может ли он на них ответить, то есть человек, который захочет провести опрос, должен сразу приступить к разработке этих двух моментов, так как опрос должен не отпугнуть, а наоборот, расположить опрашиваемых так, чтобы те, в свою очередь, отвечали как можно больше и правдивей [2].

Достоинствами опросных методов являются: быстрота получения информации; возможность получения информации в широких пределах заданной тематики; возможность математической обработки полученной информации; сравнительная легкость получения большого количества данных.

Самые общеизвестные разновидности опросных методов – беседа, анкетирование, интервьюирование.

Беседа – это диалог по специально разработанной программе исследователя с испытуемым. К общим правилам использования беседы относятся: выбор компетентных в исследуемой проблеме респондентов (тех, кто отвечает на вопросы в процессе беседы); обоснование и сообщение мотивов исследования, соответствующих интересам испытуемых; формулировка группы вопросов с разными вариациями (прямых и опосредованных, закрытых и открытых, наводящих, провокационных, со скрытым смыслом и др.). Обычно на практике используются открытые или скрытые записи проводимой беседы [4].

Близким к беседе, как по форме, так и по содержанию, является интервью – беседа, предполагающая прямой контакт интервьюера с респондентом, причем запись ответов производится либо механически, либо интервьюером.

Интервью обладает как плюсами, так и минусами. С помощью интервью проводят опросы, которые очень детализированы и сложны для респондента, также когда имеет значение реакция интервьюера. С другой стороны, интервью связано с большими затратами, чем анкета, и его возможности существенно ограничены рамками количества респондентов, временем проведения интервью, опытом интервьюера.

Если обсуждаются деликатные темы, то респонденту может быть предложено просто выбрать вариант ответа и предоставить ему карточку с вариантами.

При подготовке к интервью огромное значение имеет не только содержание, но и ситуация, время в которое будет проходить интервью, насколько опытен интервьюер, не вызывает ли он негативной реакции у респондентов.

Интервью может не иметь четкой структуры – это зависит от целей и задач исследования. Как правило, в интервью выделяют вводную, заключительную и основную части.

Экспертное интервью отличается сложностями при выборе экспертов. Существуют разные методы выбора экспертов, которые в той или иной мере остаются субъективными. Это может быть комплексная оценка, авторитет у коллег и т.д. Помимо очевидных плюсов экспертного интервью, его минус в том, что мнение, выраженное в интервью, все же субъективно.

Используется в исследовательских целях также метод анкетирования – это разновидность исследовательского метода опроса в психологии и педагогике, позволяющего на основе письменных ответов на предложенные вопросы выявить точки зрения и тенденции, имеющие место в группе респондентов. Анкета – это объединенная исследовательским замыслом система вопросов, направленных на выявление количественных и качественных характеристик объекта изучения. Такой метод письменного опроса более продуктивен, документален, гибок в использовании. Существует несколько видов анкетирования [5]. Комплекс разнообразных видов опроса и анкетирования продуктивно используется, например, при исследовании этических ориентаций [6], при наблюдении за культурными сообществами, в частности за аутическим сообществом [7].

Одно из них – контактное анкетирование, когда раздача анкет, их заполнение и сбор осуществляются в присутствии исследователя.

Заочное анкетирование организуется с помощью корреспондентских связей. Анкеты с инструкциями по их заполнению рассылаются по почте и возвращаются таким же способом в исследовательскую организацию.

Прессовое анкетирование реализуется через анкету, размещенную в средствах массовой информации, затем собранные и обработанные материалы используются в тех или иных программах.

Известны также три типа анкет: открытая анкета включает вопросы без сопровождения готовыми ответами; анкеты закрытого типа предполагают варианты ответов на каждый вопрос; смешанные анкеты содержат элементы первой и второй.

В заключение нужно упомянуть о том, что педагогика – наука развивающаяся, поскольку она постоянно продолжает углубляться в разработку основных научных проблем. Необходимость совершенствования педагогического исследования, в частности метода опроса, диктуется именно модернизацией педагогического образования в условиях инновационного развития [8; 9], методологической подготовки будущих педагогов [10; 11]. Количество новых педагогических исследований растет, и чтобы они были правильно выполнены, нужно разбираться в разных методах исследования, в частности в разных формах метода опроса. В противном случае не будет реализовано, возможно, самое главное требование к современному инновационному образованию – опережающий характер [12].

Библиографический список

1. Ашмарин Б.А. Методика педагогических исследований: учебное пособие. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1993.
2. Лудченко А.А., Лудченко Я.А., Примак Т.А. Основы научных исследований: учебное пособие. М., 2001.
3. Попова С.М. Опросы в педагогических исследованиях [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/obshchepedagogicheskie-tekhnologii/library/2013/02/02/statya-po-pedagogike-oprosy-v>
4. Опросные методы [Электронный ресурс]. URL: https://studme.org/88203/pedagogika/oprosnye_metody
5. Опросные методы: виды, назначения, достоинства и ограничения [Электронный ресурс]. URL: <http://soc.2nogi3000.ru/?p=1354>
6. Gokh A.F, Mineev V.V., Viktoruk E.N. Defending Identity And Diversity: The Potential of Cultural Anthropology for Reshaping Autism // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 11(12). Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2018. Т. 12. № 5. С.1947–1961. DOI: 10.17516/1997-1370-0368
7. Mineev V.V., Viktoruk E.N., Rakhinsky D.V., Shtumpf S.P., Chernyaeva A.S. Pharmaceutical Ethics in the Frame of Bioethical Knowledge: Challenges for Development, and a Potential of Foucault’s Key Ideas // Journal of Pharmaceutical Sciences and Research. 2018. Vol. 10(11). P. 2948–2951.
8. Абылкасымова А.Е., Рыжаков М.В., Шишов С.Е. Стратегические направления модернизации педагогического образования в условиях инновационного развития // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2015. № 3(12). С. 3–8. DOI: 10.12737/13351
9. Артемьева С.И., Кальней В.А. Педагогическое образование на стыке эпох // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. № 3(20). С.105–111. DOI: 10.12737/issn/2587-912X
10. Артемьева С.И. К содержанию подготовки бакалавра: методологический аспект // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2012. № 1(1). С. 49–52.
11. Артемьева С.И. Методологическая подготовка – ведущее звено в реализации компетентностного подхода и повышении качества образования // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2013. № 1(2). С. 8–14.
12. Рабаданова Р.С. Функции опережающего образования // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2012. № 1(1). С. 4–6.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

УДК 17; 34

К ГЕНЕАЛОГИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВА» И «СВОБОДЫ» ЧЕЛОВЕКА

TO GENEALOGY OF THE CONCEPTS “RIGHTS” AND “FREEDOM” MAN

С.В. Круглова

S.V. Kruglova

Научный руководитель А.В. Баранов
Scientific adviser A.V. Baranov

Равенство, свобода, право, закон, человек.

В статье исследуются содержание и развитие представлений понятий «права человека» и «свободы человека» в европейской культуре. Показано и обосновано как единство, так и различие данных понятий в истории философии и юридического знания.

Equality, freedom, right, law, person.

The article examines the content and development of concepts of «human rights» and «human freedom» in European culture. Both unity and difference of these concepts in the history of philosophy and legal knowledge are shown and justified.

Рассуждения о равенстве людей в качестве предтечи образа «права человека» зародились еще в трудах античных мыслителей. Так, например, в работах Антифона Афинского можно встретить следующее высказывание: «Мы восхищаемся и почитаем тех, кто благороден от рождения, но тех, кто неясного происхождения, мы не уважаем, не почитаем, относясь к последним как к варварам, но ведь по природе мы все абсолютно равны, и греки, и варвары» [1, с. 320].

Персидский царь Кир II Великий, правивший в 559–530 гг. до н.э., заявил о равенстве различных народов, что он против насилия и рабства: всем насильно поселенным в Месопотамию он разрешил вернуться в свои страны. Кроме того, он объявил народам державы Ахеменидов свободу вероисповедания – каждый мог поклоняться своим богам. Все это прописывалось в Манифесте Кира – исключительном для того времени документе.

О равенстве людей перед Небом говорил и древнекитайский философ V–IV вв. до н. э., Мо-Цзы, проповедовавший также любовь людей друг к другу, необходимость отказа от завоевательных войн, соблюдение воли небес и т.д. [2, с. 523].

Таким образом, уже к V в. до н. э. зарождается мысль о равенстве людей и рассуждения о необходимости уравнивания в правах отдельных слоев населения – о *естественных правах* человека, присущих ему независимо от богатства и происхождения. Так, например, древнеримский юрист Ульпиан говорил, что «по естественному праву все люди равны» (но отмечал при этом, что в гражданском праве раб является абсолютно бесправным – вещью господина) [3, т. 84].

Позже некоторые права человека были закреплены в Великой хартии вольностей 1215 г. (запрет произвольного ареста, задержания или изгнания и др.) [4, с. 179], английском Билле о правах 1689 г. (право подачи обращений к королю, запрещение штрафов и конфискации имущества без решения суда, свобода слова и т.д.) [5, ч.1]. Однако перечень этих прав, их содержание носили несистемный, нередко односторонне эпизодический характер. Человек рассматривался как некий субъект, «принадлежащий» государству, находящийся в полной его власти.

Сама же идея «права человека» подразумевает, что не человек существует для государства, но государство для человека, и именно государство призвано создавать и обеспечивать условия для наиболее полной реализации этих прав. О *неотъемлемых* правах человека упоминается уже в американской Декларации независимости 1776 г.: «Мы считаем за очевидные истины, что все люди сотворены равными, что им даны их Творцом некоторые неотъемлемые права, в числе которых находятся – жизнь, свобода и право на счастье» [6, с. 768]. В последующих же поправках к Конституции США 1787 г. («Билль о правах») появляется идея «свобод человека» как гарант «права», а именно: «свобода слова, свобода религии, прессы, собраний, право на подачу петиций» (ст. I); «запрет произвольных обысков и арестов» (ст. IV); «право на надлежащее судебное разбирательство» (ст. V), «на рассмотрение дела с участием суда присяжных» (ст. VI) и т.д. Кроме того, в ст. IX закреплено, что «перечисление в Конституции определенных прав не должно толковать как отрицание или умаление других прав, сохраняемых народом», т.е. перечень прав личности *не исчерпывается* названными в Конституции, он *может расширяться и дополняться* [Там же].

Но в полном и окончательном смысле термин «права человека» был закреплен в «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г., принятой во время Великой французской революции [7]. Популяризации же и распространению идей о правах человека способствовали труды таких мыслителей XVII–XVIII вв., как Шарль Луи Монтескье, Жан-Жак Руссо, Бенедикт Спиноза, Иммануил Кант.

В современной истории наиболее полный перечень человеческих прав и свобод был закреплен в «Декларации прав человека» 1948 г., которая, по мнению Элеоноры Рузвельт, является «Хартией вольностей всего человечества» [8, с. 32]. Список этих прав достаточно систематизирован и полноценен. Положения Декларации 1948 г. легли в основу многих нормативно-правовых актов, послужили ориентиром для развития законодательства различных стран.

Таким образом, «права человека» – это совокупность неких установлений, которые обеспечивают и защищают свободу, честь и достоинство каждого отдельного человека, независимо от расовой, национальной и (или) иной принадлежности, закреплены в международно-правовых актах, законах и конституциях различных государств в различные периоды человеческой истории.

Идиому же «свободы человека» необходимо понимать в философско-антропологическом контексте – как некоторое неотъемлемое свойство человека, принадлежащее ему от рождения, которое может быть ограничено лишь в определенных, регламентированных законом случаях. Областью очень сложной диалектики свобод человека и его прав сегодня стала, в частности, биоэтика [10; 11]. Термин «свобода» подчеркивает наличие *возможности выбора и самоопределения человека*, в то время как «право» регулирует *конкретные действия* человека.

И лишь в сфере правового регулирования категория «свободы человека» становится идентичной семантике «прав человека». Так, Е.А. Лукашева считает, что права и свободы идентичны по юридической природе и системе гарантий [9, с. 17], а Н. К. Краснослободцева отмечает, что «в действующей Конституции РФ термин „свобода” в различных интерпретациях использован 56 раз... Законодатель не делает существенных отличий в определении термина „права” и „свободы” и уравнивает их в своих юридических гарантиях» [12, с. 75–82].

Библиографический список

1. Антифон / пер. А.О. Маковельского // Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1969. Т. 1, ч. 1: Философия древности и средневековья.
2. Марсель Г. Китайская мысль; пер. с фр. В. Б. Иорданского; общ. ред. И.И. Семенов. М.: Республика, 2004.
3. Ульпиан // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890-1907.
4. Великая хартия вольностей / пер. Д. Петрушевского. М.: Издание Сабашниковых, 1918.
5. Тексты важнейших законов иностранных государств / пер. Ф.Ф. Кокошкина. М.: Издание Сабашниковых, 1905. Ч. 1.
6. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / под ред. О.А. Жидкова. М.: Прогресс-Универс, 1993.
7. Французская Республика. Конституция и законодательные акты / пер. с фр.; сост.: В.В. Маклаков, В.Л. Энтин; редкол.: Г.В. Барабашев, О.А. Жидков, И.П. Ильинский, Г.П. Калямин, Б.А. Страшун, В.А. Туманов; под ред. и со вступ. ст., В.Е. Чиркин; пер.: В.В. Маклаков, В.К. Пучинский, В.Л. Энтин. М.: Прогресс, 1989.
8. Декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. М., 1993.
9. Лукашева Е.А. Права человека. М.: НОРМА-ИНФРА, 2001.
10. Викторук Е.Н., Минеев В.В. Биоэтика: лекции и материалы к практическим занятиям / КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. 140 с.
11. Минеев В.В. Смысл биоэтики: дилеммы инструментализма и метафизики в постижении живого // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2014. № 3 (29). С. 28–31.
12. Краснослободцева Н.К. Соотношение понятий «свобода» и «права» человека // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4. С. 75–82.

ВЕДУЩИЕ МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ: ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦИКЛОВ КОНДРАТЬЕВА

LEADING MODELS OF CULTURAL DYNAMICS: HISTORICAL-CRITICAL CULTURAL ASPECTS OF THE THEORY OF KONDRATIEFF CYCLES

Ю.С. Конышенко

J.S. Konyshenko

Научный руководитель В.Л. Круглов
Scientific adviser V.L. Kruglov

Культурная динамика, эволюционизм, циклические изменения, идеи Кондратьева.

В статье рассматриваются главные идеи «теории циклов» Н. Кондратьева, а также современные интерпретации моделей динамики культуры: на чем они базируются и их анализ.

Cultural dynamics and evolutionism, cyclical changes, the ideas of Kondratieff.

The article deals with the main ideas of the «theory of cycles» N. Kondratiev, as well as modern interpretations of models of cultural dynamics: on what they are based and their analysis.

Расхожий эволюционизм, основоположниками которого в гуманитаристике и исторической науке являются такие мыслители, как Э. Тайлор, Л.Г. Морган, М. Салинс и др., распространяется от идеи о поэтапном характере изменений в культуре – ее формирование отождествляется с перемещением от «легких» форм к наиболее «трудным» и сложным. При этом подразумевается, что *практически все* социокультурные процессы зависят от универсальных законов эволюции. С другой стороны, согласно волновым моделям развития истории, культура развивается циклично, а теоретическим «образом» – моделью данных циклов – является «волна».

Существенный материал по исследованию моделей волнообразных динамических процессов накоплен в экономике. В XIX веке ученые-экономисты зафиксировали колебания в данной сфере в пределах 7–11 лет и отмечали «периодичность» подобных отклонений-кризисов. К началу XX столетия были выявлены условия, определяющие аналогичные колебания, такие как внедрение новых технологий, открытие новых рынков, соответствие спроса и предложения, накопление и перераспределение капитала и др. [1; 2; 3].

Однако идея о том, что в качестве одной из форм преобразований истории выступают циклические изменения, которым соответствует повторяемость, базирующаяся на сходстве с природными и биологическими ритмами – смена поколений,

времен года, дня, ночи и т.п., – не есть что-то новое в гуманитарном познании. К примеру, итальянский философ Джамбаттиста Вико еще в XVII веке высказывал догадку, что циклическая последовательность истории изначально предрешена Божественной волей творца мира. Позднее схожие идеи двигали творчеством таких ученых, как Н. Данилевский, О. Шпенглер, Ф. Ницше, А. Тойнби и др.

В контексте развития подобных взглядов, русский ученый экономист и социолог Николай Дмитриевич Кондратьев (1892-1938) и разработал теорию культурно-экономических волн истории, в центре которой идея «инверсии» исторических процессов как константы изменения и развития общественного устройства, что характеризуется переходами от одного *крайнего* состояния к другому. В качестве исторического образца циклического развития выступают политические выборы. Зачастую разные фазы цикла не равны по значению исходя из убеждений стойкости эволюционного развития, так как в определенных точках цикла возможность катастроф увеличивается. В СССР «вершина» общественного напряжения в цикле Кондратьева наступала приблизительно через 25 лет, а смена политической элиты в СССР затеивались через каждые 21–22 года.

Культурно-исторический цикл Кондратьева включает в себя различные повторяющиеся идеологические, социальные, политические, финансовые и научно-технические условия, такие как финансовые взлеты и падения, сравнительно короткие периоды активной реализации промышленных нововведений, пики социальной напряженности и т.д. Развивая идеи Кондратьева, другой отечественный мыслитель и исследователь истории С. Дубровский выделяет в культурно-историческом цикле несколько характерных моментов.

В первую очередь, сам *механизм* цикла. Линию движения сбалансированного экономического роста устанавливают два фактора: скорость обновления промышленных фондов (отношение валовых инвестиций к капиталу) и продуктивность нововведений (отношение эффективности труда на новых рабочих местах к средней эффективности труда). Для того чтобы формирование шествовало только согласно некому политико-экономическому и культурно-идеологическому «тренду», требуется единство и соответствие этих характеристик своим сбалансированным значениям. Последние подчиняются темпу увеличения занятости, коэффициенту выбытия фондов и стремлению обновления технологий. Но действительные характеристики культуры и экономики никак не подходят собственным сбалансированным значениям, и по этой причине в исторической системе совершаются постоянные негаснущие колебания «вокруг» тренда. В целом данная модель вполне согласуется и с синергетическим подходом к социальным явлениям [4], и с аксиологическим [5].

Таким образом, в любой фазе реальной культурно-исторической деятельности человека фиксируется некая *отклоняющаяся* динамика, по причине которой продуктивность нововведений снижается. Ее уменьшение приводит к прекращению экономической и инноваторской активности, но из-за этого производительность увеличивается и система вновь входит в фазу культурной и экономической стабильности.

Данный «маятник» проходит через фазы колебаний, составляющих следующий характерный момент – *период цикла*, который находится в зависимости от темпов прироста культуры и экономики: эффективности труда и занятости, коэффициента выбытия фондов и др. Оценки финансовых и научно-технологических показателей дают продолжительность такого периода цикла в 50–55 лет. По оценке Кондратьева, самый короткий цикл – 47 лет, а самый длинный – 60.

Другой момент – это *асимметрия* цикла. Для небольших отклонений от «тренда», покуда работает линейная динамика развития культуры и экономики, исторический «оборот» общественной системы симметричен. В случае если же система располагается на орбите, существенно удаленной от тренда, когда линейная динамика уже никак не функционирует и маргинальные процессы развития культуры и общества набирают темп, «цикл» делается асимметричным. Продолжительность состояния системы в каждой из четырех фаз цикла также становится разной. Это значит, что промежуток высокой экономической деятельности, как правило, короче, нежели промежуток низкой. Кондратьев отметил, что периоды роста товарных цен занимали 24 и 25 лет, а спада – 23 и 35 лет. Далее следует асинхронность волн. Для разных характеристик волны цикла не считаются одновременными и доходят до минимума и максимума в разный промежуток времени.

Последний характерный элемент – *нестационарность* цикла. Значения характеристик тренда не считаются стабильными. Данные перемены в некоторых случаях возместимы, к примеру, когда увеличиваются темпы прироста эффективности труда, но опускаются темпы прироста занятости, однако общее перемещение показателей тренда приводит к последующим результатам: меняется промежуток колебаний в общем, меняются фазовые расхождения между волнами разных характеристик и изменяется продолжительность присутствия системы в четырех разных фазах цикла.

В заключение отметим, что динамика экономического цикла по-разному способна неравномерно отображаться и фиксироваться в общественном сознании. Обычно тотальное осознание отстает от появляющихся перемен, откликается на них с запозданием, если нижний предел спада культуры и экономики уже преодолен. Однако не все так однозначно.

Библиографический список

1. Бидни Д. Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1: Интерпретация культуры.
2. Яковец Ю.В., Пирогов С.В. Закономерности циклической динамики и генетики науки, образования и культуры. М., 1993.
3. Ширшов И.Е. Динамика культуры. Минск, 1980.
4. Минеев В.В. Формирование представлений о глобальном эволюционизме и синергетике в процессе изучения курса «История и философия науки» // Вестник КГПУ им В.П.Астафьева. 2008. Вып. 2/3. С. 13–20.
5. Викторук Е.Н. Этика перемен: очерки неклассических теорий морали. Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2002. 188 с.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ИДЕЯМ КУЛЬТУРНОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ

CRITICAL NOTES ON IDEAS OF CULTURAL VARIABILITY

А.В. Фокина

A.V. Fokina

Научный руководитель В.Л. Круглов
Scientific adviser V.L. Kruglov

Культурная изменчивость, стагнация, кризис культуры, диффузия, культурная модернизация.

В статье ставится задача рассмотреть ведущие культурные изменения как элементы рефлексии.

Cultural variability, stagnation, cultural crisis, diffusion, cultural modernization.

The article aims to consider the leading cultural changes as elements of reflection.

Настоящая статья посвящена проблеме культурной изменчивости. Под данным термином понимают различные формы самообновления культуры, включая развитие, деградацию, или десемантизацию, отдельных ее черт или целых структурных комплексов. Виды культурной изменчивости могут иметь прогрессивную направленность, а могут быть и деградирующими.

Обратим внимание на ведущие идеи культурной изменчивости как элементы рефлексии исторического феномена культуры – следует учесть многообразие ее форм и, соответственно, многообразие подходов [1; 2; 3].

Во-первых, кризис культуры – «острейшая форма» проявления социальных противоречий, связанная с нарушением социальной стабильности. Но стоит отметить, что кризис является закономерным и даже обязательным этапом развития культуры. В зависимости от устойчивости общества кризис может вызывать застой культуры или же привести культуру к некоему «возрождению».

Во-вторых, стагнация или культурный застой – это устойчивое состояние культуры, при котором основные нормы и ценности и различные представления остаются в постоянном виде в течение долгого времени. К тому же роль инноваций и связей с другими культурами ограничена. «Традиционность» как преемственность с лучшими достижениями прошлого опыта следует отличать от «холодного», даже «замороженного» состояния общества (термины К. Леви-Стросса), когда одни и те же социокультурные структуры и формы воспроизводятся из века в век без существенных изменений. Например, народы первобытного, или архаичного, типа, которые оказались на периферии мировой цивили-

зации (американские индейцы, африканские племена и др.). Они живут практически в каменном веке. Поэтому они сохраняют главные черты бытовой культуры. Стоит сказать о признаках застоя. Таковыми являются: консервация, или сохранение системы культурных ценностей, и, как правило, скрытый запрет на любые новшества. Даже высокоразвитые общества не защищены от периодов застоя в своей эволюции. Например, последствия Октябрьской революции в России. Как правило, длительный застой ведет к упадку культуры.

В-третьих, обратим внимание на «прогресс» и «регресс» в культуре. Стоит отметить, что эти вопросы являются одними из наиболее спорных в культурологической науке, так как критерии данных сценариев культуры до сих пор неопределенны и не являются общепринятыми. Тем не менее принято считать упрощение и ослабление культурной жизни явными признаками деградации культуры. Как правило, регрессу подвергаются культуры «малых этносов», которые попадают под влияние более развитых и сильных культур, например индейцы Северной Америки.

Обратим внимание на то, что в философии культуры сформировались различные точки зрения феномена динамики культурного развития. Одни специалисты отстаивают идею постоянного совершенствования культуры, а другие ученые, в свою очередь, не отрицают и даже предполагают неизбежность культурного регресса. Обратимся к примеру «теории вырождения» французского философа эпохи Просвещения Жозефа де Местра, в которой говорится о двух направлениях развития истории: назад – к варварству, и вперед – к цивилизации. Другие известные философы, в частности Фридрих Ницше, Освальд Шпенглер, считали, что понятие регресса и прогресса не имеет смысла применять к культуре.

В гуманитарных науках XX в. вместо понятия «регресс» нередко используются другие понятие, например «развитие», или «модернизация», но и они, в свою очередь, подвергаются критике. Теория «культурного отставания» Вильяма Огборна утверждает, что культура всегда отстает от технологий цивилизации и только позже, после некоторого промежутка времени, приспособливается к ней, при этом культура терпит различные изменения. Кроме того, аналитики выявили, что как «целое» некий культурно-исторический тип может прогрессировать, но отдельные его элементы вполне могут одновременно переживать кризис. Например, Реформация как процесс сепарации и отклонения протестантизма от католицизма. В завершение стоит сказать о взрыве в культуре – это резкий переход от постоянных изменений к масштабному обновлению [4].

В-четвертых, феномен «диффузии» как элемент изменения культуры. Диффузионизм как правление возник в конце 19 столетия как антитеза идеям «эволюции» и «прогресса». Главное в этой теории – понятие культурной диффузии, процесс становления и распространения элементов какой-либо культуры из первоначально единого центра на «соседние» территории иных культурных образований, а от них – и по всему земному шару. В этой теории роль человека исторически не существенна, т.к. он лишь «носильщик», несущее начало культуры. В частности, согласно мнению английских исследователей Графтона Эллиота-Смита и Уилья-

ма Джеме Перри, исходно существовал только один центр мировой цивилизации – Египет, откуда созданная древними египтянами высокая культура «распространилась по всему миру» [5].

И в-пятых, феномен культурной модернизация. Ее идея основывается на представлениях о фундаментальном историческом «членении» культур на традиционные и современные. Для «традиционных» культур характерны стабильность, неизменчивость и ориентированность на традицию. Для «современных» культур характерны динамичность, высокая социально-культурная мобильность, «гонка» за инновациями во всех сферах общественной жизни. Стоит отметить, что различают два вида культурной модернизации. Первый – органический – осуществляется с помощью эволюции государственной системы. Сначала все начинается с культуры, изменяется система ценностей, а затем уже и происходят изменения в сферах экономики. Важную роль играет здесь этика перемен [6]. Второй вид – неорганический – покоится на политике навязывания государством «нового образа жизни», ценностей и др. В результате происходит разрушение ценностей и общепринятых традиционных норм и социальных институтов. Стоит отметить, что с середины XX столетия идеи культурной модернизации стали необычайно модным брендом политики и культурной жизни современного европейского общества. Они определяют образ жизни и в целом характеризуют «социокультурную модель» западной жизни как основного пути развития всех традиционных обществ. Но многие народы оказали сопротивление этим теоретико-идеологическим попыткам экспансии Запада, особенно в традиционно-налаженном быте культур современного Востока.

В заключение стоит отметить, что каждая из вышеперечисленных концепций *в большей или меньшей степени отражает лишь одну* из реальных сторон культурно-исторической динамики. Динамическое единство устойчивости и изменчивости представляет собой основу развития культуры. Именно такое единство лежит в основе сохранения преемственности традиции, несмотря на процессы трансформации. Таков, например, институт образования, который предполагает передачу накопленного социального и культурного опыта последующим поколениям, но вместе с тем предполагает и частичный отход от них, преодоление старого в процессе исторического развития [7; 8]. Между тем уделом современного человека, как справедливо отмечает А.Г. Кислов, становится непрерывное образование [9].

Библиографический список

1. Бидни Д. Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1: Интерпретация культуры.
2. Динамика культуры: теоретико-методологические аспекты. М., 1989.
3. Киселева М.С. Культурные коды и типы культуры // Культурология. М., 1993.
4. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1993.
5. Морфология культуры. Структура и динамика. М., 1994.
6. Викторук Е.Н. Этика перемен: очерки неклассических теорий морали. Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2002. 188 с.

7. Артемьева С.И., Положенцева И.В., Шишов С.Е. Управление рисками в процессе внедрения механизмов реализации моделей государственно-общественного управления образованием // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2016. № 1(14). С. 61–64. DOI: 10.12737/issn.2306-1731/18424
8. Артемьева С.И., Кальней В.А. Педагогическое образование на стыке эпох // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. № 3(20). С. 105–111. DOI: 10.12737/issn/2587-912X
9. Кислов А.Г. Вызов полипрофессионализма и ответы системы образования // Образование взрослых в условиях современности: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. / под науч. ред. А.А. Симоновой, С.Л. Фоменко; общ. ред. Н.Н. Давыдова. 2017. С. 15–20.

СВОБОДА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

FREEDOM IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIETY

А.О. Варыгина, И.Р. Идиатулин,
Ю.В. Фаут

A.O. Varygina, I.R. Idiatulin,
J.V. Faut

Научный руководитель А.В. Колючева
Scientific adviser A.V. Kolyucheva

Свобода, информация, мнение, СМИ, общество, факторы формирования интересов.
В статье приведены рассуждения о понятии свободы, его существовании, развитии общественного мнения и факторов, влияющих на его формирование в настоящее время.

Freedom, information, opinion, media, society, factors of interest formation.
The article presents the reasoning about the concept of freedom, its existence, the development of public opinion and the factors influencing its formation at the present time.

Молодые люди любят поговорить о свободе. «Мы несвободны и угнетаемы», – говорят одни. «Мы свободны как ветер и весь мир лежит перед нами», – утверждают другие. Истина не где-то посередине, как мы привыкли считать. Истины в этом вопросе нет – единой для всех, по крайней мере. Вы можете с этим согласиться или нет. Вы свободны и можете сами выбирать, во что верить. Или не можете? Представления молодежи о свободе многообразны [1].

XX век стал веком развития технологий, XXI век – веком доступности информации. Пишутся книги, проводятся исследования, снимаются фильмы – и все могут освещать одно событие с разных сторон, в зависимости от точки зрения создателя или исследователя. «Сколько людей, столько и мнений» – насколько верна эта фраза сейчас?

С учетом того, насколько люди разные, насколько различаются их особенности восприятия информации, странно, что мы все еще продолжаем сходиться во мнении хоть с кем-то и понимать друг друга. Чем больше доступно информации, тем меньше должно быть у нас точек соприкосновения с другими людьми. К информации необходимо относиться критически, рационально [2]. Большую роль в воспитании студенчества призвана играть философия [3].

Много столетий назад большинство людей в одном городе обладали бы приблизительно одинаковым кругозором и набором знаний. Они росли на одних и тех же сказках, жили в одном и том же городе, ели одну и ту же пищу, верили в одни и те же приметы и справлялись с одними и теми же проблемами. Различия были в знаниях о ремеслах и, возможно, полученном образовании. Информация не была широкодоступна, и интересы у людей были схожи.

В настоящее время все сведения являются общедоступными. Сферы интересов людей разнятся, но тем не менее человек может найти единомышленников [4]. Его интересы, как и его мнение, будут формироваться под влиянием окружающих, массовой культуры, собственного жизненного опыта и СМИ [5].

Одно из определений «свободы» гласит: свобода – состояние субъекта, в котором он является определяющей причиной своих действий [6], то есть они не обусловлены непосредственно иными факторами, в том числе природными, социальными, межличностно-коммуникативными и индивидуально-родовыми.

О какой же свободе может идти речь, если даже наши интересы и мнения обусловлены действием множества факторов – и есть ли у нас вообще выбор в этом, или только иллюзия выбора? И будь люди действительно свободны, смогли бы они понимать друг друга или были бы обречены жить в одиночестве? Однако свобода многогранна. Она лежит в основании самой возможности морали [7]. Если бы мы не были свободными, то не могли бы нести моральной ответственности. Но мы ее несем. И это, очевидно, доказывает факт существования свободы.

Библиографический список

1. Булатников И.Е. Социально-нравственное воспитание студенчества в контексте формирования представлений молодежи о социальной свободе и ответственности личности // Психолого-педагогический поиск. 2011. № 17. С. 79–89.
2. Минеев В.В. В поисках оснований науки: проблема рациональности // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2007. № 3. С. 55–61.
3. Минеев В.В. Единство теоретико-методологических и методико-практических аспектов преподавания философских дисциплин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2 ч. Ч. 1. С. 123–127.
4. Золотарев С. П. Проблема интеграции права и свободы в современном обществе // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 136. С. 256–260.
5. Гуржий Д.А. Влияние СМИ на формирование общественного мнения // Молодой ученый. 2015. № 12. С. 991–993.
6. Степин В.С. Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. 2816 с.
7. Викторук Е.Н. Этика перемен: очерки неклассических теорий морали. Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2002. 188 с.

СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СТУДЕНТОВ-СТАРШЕКУРСНИКОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

SYNDROME OF EMOTIONAL BURNOUT AT STUDENTS OF SENIOR PUPILS OF A PEDAGOGICAL HIGHER EDUCATION INSTITUTION

О.С. Гуленцова, А.О. Варыгина

O.S. Gulentsova O.S., A.O. Varygina

*Научный руководитель А.В. Колючева
Scientific adviser A.V. Kolyucheva*

Синдром эмоционального выгорания, профессиональная эффективность, эмоциональное истощение, педагогическая специальность, курс, студент.

В статье рассматривается проблема выявления синдрома эмоционального выгорания у студентов-старшекурсников. Приводятся результаты диагностики эмоционального выгорания среди студентов 3–4 курсов ИМФИ КГПУ им. В.П. Астафьева.

Burnout syndrome, professional efficiency, emotional exhaustion.

The article deals with the problem of identifying burnout syndrome in senior students. The results of the diagnosis of emotional burnout among students of 3–4 courses of IMPI KSPU named after. V.P. Astafieva. The results of the study according to the criteria: performance and gender.

В настоящее время актуальна проблема увеличения количества людей с синдромом эмоционального выгорания. Он выражается в склонности к агрессивности, регрессии эмоционального интеллекта, человек становится неуравновешенным, испытывает затруднения в коммуникации и саморегуляции. Это еще не все негативные последствия этого явления. Список можно увеличить, если рассмотреть все части проявления синдрома эмоционального выгорания.

На современном этапе развития общества синдром эмоционального выгорания может проявляться у людей, относящихся к различным структурам и профессиям. Но в зависимости от социальных ролей и социального положения степень выраженности синдрома и стремительность его развития могут отличаться.

Студент, обучающийся по специальности, которая была ему навязана (собой или же кем-то другим), испытывает неудовлетворенность своей учебной деятельностью. Это может привести к неудовлетворенности жизнью в целом или же вызвать у человека демонстрацию маргинального положения в обществе. Эта социальная ситуация развития является предпосылкой к возникновению синдрома эмоционального выгорания.

Основными влияющими факторами развития синдрома выгорания являются: стремление к хорошей успеваемости, повышенной стипендии, неправильно организованная работа с учебным материалом, организационные и профессиональные стрессы [1].

Так как выгорание нарастает постепенно, человек продолжает работать в том же режиме с тяжелыми психологическими перегрузками до тех пор, пока не наступает критическое его проявление.

В ходе исследования, проведенного на 20 обучающихся 3–4 курсов института математики, физики и информатики КГПУ им. В.П. Астафьева, выявлено, что 12 студентов находятся на последней стадии формирования синдрома эмоционального выгорания. Они отмечают эмоциональный дефицит и деперсонализацию. По их словам, причина развития синдрома в высокой загруженности, ответственности, у некоторых в нежелании учиться на выбранной специальности.

У 5 опрошенных сформирована вторая стадия – резистенция, на фоне чего наблюдаются редукция профессиональных обязанностей, расширение сферы экономии эмоций. Сами опрошенные списывают это на еще недостаточный профессионализм в выбранной профессии и на высокую загруженность.

У 3 опрошенных синдром выгорания не выявлен, только формирование отдельных его симптомов, который относится к первой стадии: тревога и депрессия. Эти состояния связаны с острым переживанием мелких неудач в учебе, домашних заданиях. Опрошенные, у которых не выявлены профессиональные деформации, отмечают, что учеба приносит им удовольствие, «блеск в глазах» не исчезает, а усталость не нарастает.

Данным образом синдром эмоционального выгорания и его отдельные компоненты могут проявляться у студентов старших курсов педагогических специальностей. Более подвержены «выгоранию» представители женского пола. Возникновение синдрома – это следствие действия совокупности всех факторов как на профессиональном, так и на личностном уровне.

Профессиональное выгорание не является чем-то неизбежным. Необходимо предпринимать определенные шаги по его профилактике, которые могут предотвратить, ослабить или исключить возникновение выгорания. Нужно приумножать и пробуждать личностные ресурсы, помогающие преодолевать жизненные и рабочие стрессы.

Библиографический список

1. Бойко В.В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб., 2009. 278 с.
2. Большой психологический словарь / авт.-сост. Б. Мещеряков, В.В. Зинченко. М.: Прайм-Еврознак, 2004. 672 с.
3. Горшков Е.А., Косоногова В.И. Исследование синдрома эмоционального выгорания у студентов-старшекурсников // Молодой ученый. 2015. № 23.2. С. 51–55.
4. Макарова Г.А. Синдром эмоционального выгорания. М.: Речь, 2010. 381 с.

ИНКЛЮЗИВНЫЕ ПРАКТИКИ В БИБЛИОТЕКЕ НА ПРИМЕРЕ г. КРАСНОЯРСКА

INCLUSIVE PRACTICE IN LIBRARY ON THE EXAMPLE OF KRASNOYARSK

Д.В. Маланина

D.V. Malanina

Научные руководители С.В. Костылев, О.Ф. Морозова
Scientific advisers S.V. Kostylev, O.F. Morozova

Люди с ограниченными возможностями, люди с ментальной инвалидностью, библиотека, инклюзивные практики, менеджмент, репрезентация в Интернете.

В статье рассматривается проблема взаимодействия библиотеки как информационно-культурного, образовательного центра с людьми с ограниченными возможностями. Была произведена попытка выявить причины непопулярности инклюзивных практик в библиотеке и дать рекомендации, основываясь на проведенном исследовании.

People with disabilities, people with mental disabilities, library, inclusive practices, management, representation on the Internet.

In the article discusses the problem of interaction of the library as an information, cultural, Educational institution with people with disabilities. An attempt was made to identify the reasons for the non-popularity of inclusive practices in the library and to give recommendations based on the study.

Человеку, обладающему обычным здоровьем, трудно представить себе масштабы проблемы людей с ограниченными возможностями. Однако этих людей действительно очень много: по данным Росстата, на 1 января 2018 года в России зарегистрировано 12,1 млн человек всех групп инвалидности, что составляет 8,2 % населения страны.

Стоит сказать, что пять лет назад это число было больше – 13,1 млн человек, однако сокращение количества инвалидов связано, к сожалению, отнюдь не с чудесами медицины, а с ужесточением критериев присвоения человека статусу инвалида (и соответствующей пенсии).

Обычно инвалидами называют людей с ограниченными возможностями, однако, на наш взгляд, было бы правильнее и более толерантно по отношению к представителям данной группы населения называть их людьми с особыми потребностями, в том числе с особыми потребностями в сфере культуры. Как и всем, людям с инвалидностью необходимо удовлетворять не только физиологические, но и духовно-нравственные, художественно-эстетические, рекреационные потребности, поэтому им необходимо приобщаться к ценностям культуры.

Одним из источников этих ценностей может стать библиотека как учреждение культуры, выполняющее: воспитательную, культурно-просветительскую, информационную и гедонистическую функции. Последние три не нуждаются в пояснениях, однако насчет первой функции можно добавить, что она «работает» сразу в двух направлениях: библиотека одновременно транслирует нравственные ценности людям с особыми потребностями посредством их приобщения к объектам культуры, и в то же время она может стать площадкой для взаимодействия инвалидов с людьми, обладающими обычным здоровьем, в целях повышения уровня толерантности и понимания, кто такие инвалиды и что с ними можно взаимодействовать точно так же, как и со здоровыми людьми, поскольку проблема толерантности по-прежнему актуальна для нашего общества.

Эмпирический анализ библиотек Красноярска позволил выявить, что практически во всех из них есть те или иные инклюзивные практики, предназначенные для того, чтобы облегчить инвалидам доступ к библиотеке, поскольку инвалидность, как правило, связана либо с трудностями в восприятии информации (инвалиды по зрению, инвалиды по слуху), либо с трудностями взаимодействия с ним (маломобильные граждане). Как правило, библиотека располагает пандусами для маломобильных граждан (либо, как в централизованной библиотечной системе взрослого населения имени А. М. Горького, сотрудники библиотеки готовы помочь человеку в инвалидной коляске передвигаться по учреждению), версией сайта в Интернете для слабовидящих; реже встречается специальное оборудование для слабовидящих или слабослышащих.

Например, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, которую можно назвать «главной» или одной из главных библиотек края, располагает специальным рабочим местом для инвалидов по зрению (как слабовидящих, так и с полной потерей зрения), но не располагает оборудованием для инвалидов по слуху, а краевая молодежная библиотека располагает диспетчерской службой видеотелефонной связи для слабослышащих, но не располагает специальным оборудованием для слабовидящих, помимо специальной версии сайта. Характерно, что в ходе исследования не было обнаружено ни оборудования, ни особых мест, ни соответствующих компетенций для взаимодействия с инвалидами ментального характера, то есть людьми с расстройствами аутистического спектра, болезнью Дауна, Альцгеймера или подобными.

Многие библиотеки готовы принять пользователей с инвалидностью в той или иной мере (некоторые библиотеки оснащены лучше, некоторые хуже), однако опрос библиотечных работников позволил выявить, что эти ресурсы не востребованы, и библиотеки крайне редко посещают люди с инвалидностью. Это может быть связано как с достаточно масштабными причинами и с такими, как:

– недружелюбная городская среда: даже при наличии желания посетить библиотеку потенциальный пользователь может не сделать этого, потому что не может безопасно до нее добраться. Особенно это касается людей с инвалидностью по зрению и маломобильных граждан.

– конкуренция коммерческого и некоммерческого сектора в сфере культуры: люди с особыми потребностями – такие же потенциальные потребители, как все остальные, и они могут больше желать провести свой досуг в торговоразвлекательном центре с агрессивной рекламной кампанией, нежели в библиотеке, т.к., эти учреждения, как правило, не ведут активную рекламную деятельность;

– конкуренция «живой» библиотеки и электронной: многим людям с особыми потребностями проще воспользоваться Интернетом для поиска нужной им книги, причем воспользоваться им при помощи своего компьютера с необходимыми для их потребностей программным обеспечением, либо из своего дома, без необходимости выходить на улицу, где многим людям с инвалидностью находиться опасно.

Также есть более локальная причина – неосведомленность об инклюзивных практиках, которые готова предоставить для своих пользователей та или иная библиотека, поскольку обычно на сайтах библиотек не было раздела «Для людей с ограниченными возможностями». Об инклюзивных практиках рассказывалось, как правило, в самом конце перечня услуг для посетителей.

Основываясь на всем вышеперечисленном, можно дать следующие рекомендации касательно инклюзивных практик в библиотеке:

– создать отдельный раздел на сайте для людей с особыми потребностями;

– сделать библиотеку мобильной, то есть выезжать в места, где собираются люди с ограниченными возможностями (например, в центры, ориентированные на работу с ними), предлагая свои книги и услуги. Также эту практику можно применить в отношении людей третьего возраста: как и люди с особыми потребностями, они могут не посещать библиотеки в силу физических ограничений (например, многие люди третьего возраста испытывают затруднения при ходьбе, у них падают зрение и слух, снижается мозговая активность);

– приобрести оборудование для слабослышащих людей, а также оборудовать комнату для людей с ментальными особенностями, где они могли бы отдохнуть в случае сенсорной перегрузки или других надобностей. Несмотря на то, что это, пожалуй, самые малочисленные группы инвалидов, они не так бросаются в глаза, как человек в инвалидном кресле или с тростью, – они тоже существуют и нуждаются в инклюзивных практиках;

– библиотечным сотрудникам имеет смысл пройти курсы по обучению взаимодействию с людьми с особыми потребностями. Это касается как специфических навыков, таких как язык жестов, так и здорового отношения к данной категории людей, поскольку существует проблема «доброжелательной дискриминации», когда человек не желает ничего плохого, напротив, руководствуется самыми светлыми намерениями, но в силу малых знаний о людях с особыми потребностями и способах взаимодействия с ними (особенно это касается людей с ментальными особенностями: например, многие считают, что детский церебральный паралич синонимичен умственной отсталости, хотя это не так) могут, сами того не желая, подвергнуть человека с инвалидностью дискриминации, чего не должен допускать компетентный работник сферы культуры.

Данные практики могут помочь библиотеке стать инклюзивным пространством, более комфортным для людей с инвалидностью, помогающим им интегрироваться в общество и приобщиться к ценностям культуры.

Библиографический список

1. Библиотечное обслуживание: учебник / Ю.П. Мелентьева. М.: ФАИР 2006. 256 с. (Специальный издательский проект для библиотек).
2. Жуковская Л.Н., Жуковский В.И. Идеалообразующий потенциал клубных формирований современной библиотеки // Румянцевские чтения – 2014: материалы международной научной конференции / Российская государственная библиотека. 2014. № 4. С. 240–245.
3. Жуковская Л.Н. Повышаем информационную культуру: проекты формирования информационно-образовательного пространства // Библиотечное дело. 2013. № 6 (192). С. 14–15.
4. Методология социально-культурной деятельности и современные социокультурные практики: монография / Андреева А.В., Жуковская Л.Н., Костылев [и др.]; под ред. О.Ф. Морозовой. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. 128 с.
5. Официальный сайт Государственной универсальной научной библиотеки г. Красноярск [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kraslib.ru/> (дата обращения: 13.04.19).
6. Официальный сайт Красноярской краевой молодежной библиотеки г. Красноярск [Электронный ресурс] URL: <http://www.yarsklib.ru/> (дата обращения: 13.04.19).
7. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 13.04.19).
8. Федеральный закон «О библиотечной деле» [Электронный ресурс]: федер. закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ, ред. от 03.07.2016. URL: https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/1-O-VIBLIOTEKE/7-documenty/fz/FZ-78_03072016.pdf (дата обращения: 13.04.19).
9. Викторук Е.Н. Неклассические модели этической аргументации: монография / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Сибирский государственный технологический университет. СПб., 2003. 188 с.
10. Викторук Е.Н. Этика перемен: очерки неклассических теорий морали. Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2002. 188 с.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

PROBLEMS OF FORMATION OF PERSONALITY IN MODERN SOCIETY

А.Д. Абалымова

A.D. Abalymova

Научный руководитель Н.И. Мартишина
Scientific adviser N.I. Martishina

Личность, формирование личности, современное общество, социальные проблемы, информационные перегрузки, стресс.

В статье показано, что, хотя во многих отношениях современное общество является более благоприятной средой для личностного развития, чем традиционное, в нем присутствует также ряд факторов, оказывающих негативное воздействие на формирование личности.

Personality, personality formation, modern society, social problems, information overload, stress.

The article shows that, although in many respects modern society is a more favorable environment for personal development than the traditional one, it also has a number of factors that have a negative impact on the formation of personality.

Современное общество наделено мощным потенциалом промышленного, научно-технического и иного прогресса. Существование внутреннего потенциала развития отличает современное общество от традиционного, характеризующегося аграрным укладом с преобладанием натурального хозяйства, жесткой сословной социальной иерархией и способом регуляции жизни общества, основанном на традициях и обычаях [1]. В современном обществе умственный труд является неотъемлемой частью жизни человека, он приносит не только интеллектуальное удовольствие, но и доход, существует свобода точки зрения – каждый человек сам решает, во что он верит, во что он хочет верить и нужна ли ему эта вера. Среда современного типа наиболее благоприятна для развития личности, так как у человека есть все условия для самореализации, удовлетворения базовых потребностей, самостоятельности осмысления и оценки собственного нахождения в этом мире [2]. Все это благоприятно влияет на развитие личности. Но так ли все хорошо на самом деле? Можно выделить целый ряд факторов негативного влияния современного общества на развитие личности.

1. Негативное влияние на здоровье человека. В мире информационного и технического прогресса забывают о том, что окружающая среда страдает от человеческой деятельности, а вследствие этого страдают и сами люди, так как болезни все чаще и чаще становятся спутниками жизни человека. Только астмой (ее связь с техногенными изменениями среды доказано) на данный момент в нашей стране страдают около 25 % взрослых и детей (а ведь это почти 37 млн человек). Реальностью

современного мира стал целый ряд профессиональных болезней, которые человек получает в процессе какого-либо специализированного вида деятельности [3].

2. Высокий уровень стресса – очень опасная проблема. Жизнь в стрессе сейчас является абсолютной нормой для очень многих людей разных возрастов. Но сложнее всего то, что человек в процессе жизни привыкает к стрессу, а впоследствии начинает в нем нуждаться. Ярким примером служит тот факт, что еще несколько десятков лет назад люди хвастались тем, как у них все хорошо, в настоящее же время люди как будто соревнуются между собой в высказываниях «Кому из нас хуже?». Среди подростков стало модно имитировать психологические проблемы и заболевания, так как это состояние не только привычно и нормально, но еще и идеализировано обществом [4].

3. Психические заболевания не случайно имеют тенденцию к учащению. Это связано не только со стрессом, но и с бешеным ритмом жизни, который не оставляет выбора нашей психике, не дает ей полноценно перезагружаться или отдыхать время от времени, что делает ее изначально шаткой и, соответственно, уязвимой. В современной жизни появилось намного больше разрушающих психику факторов, чем мы думали.

4. Информационная перегрузка также является проблемой. Постоянно создается все больше информационных источников, каналов связи, тем для коммуникации и т.д. Но все ли это является полезным для нас? На прилавках нынче стоит много книг с кричащими слоганами «Эта книга научит тебя лучше жить», «12 способов стать счастливым» или «Научись говорить по-английски за 1 час» и т.д. Далеко не все из них являются действительно полезными, большинство засоряют наше существование не хуже, чем реклама или бессмысленные «расслабляющие» мозг мини-статьи в социальных сетях. В результате современный человек ежедневно поглощает тучи совершенно ненужной информации, перегружая мозг и делая его работу менее продуктивной.

5. Следующая проблема является скрытой, но представляется очень существенной. В высокоразвитой цивилизации пропагандируются толерантность и всеобщая значимость, но на самом деле наш мир представляет собой место, в котором все еще работают законы выживания, как в мире животных: в нашем мире нет места для слабых. Те, кто не вытягивает задачи, поставленные обществом, на какой-то определенной ступени взросления, не имеют возможности перешагнуть эту ступень и впоследствии становятся слабыми звеньями, деятельность которых в обществе ограничена «стеклянным потолком».

6. Стандартизация жизни – еще одна проблема нашего общества. Шаблонов стало больше: стандарты красоты, стандарты жилья, стандарты жизни, стандарты веса и роста... Нас окружают сплошные стереотипы – как «правильно» должна протекать наша жизнь с момента рождения и до ее завершения. Все эти шаблоны часто не позволяют нам рационально оценивать ситуацию, прислушиваться к себе и правильно делать вывод о том, нужна ли нам все-таки эта цель в жизни. Сложность в том, что нынешние стереотипы иногда противоречат сами себе, что заведомо «стандартизирует» любое наше мнение: сложно понять, до чего ты доходишь своим умом, а что тебе навязало общество, и выйти за пределы влияния стереотипов тоже очень сложно.

7. В современном обществе намного больше возможности поменять место жительства, работу, учебу. Это сама по себе позитивная тенденция, но одновременно это возможность убежать от ответственности, от деятельности, которая нам не дается без усилий, от людей, отношения с которыми мы не смогли выстроить – решение этих задач было бы полезно для нас самих, но современный уклад жизни позволяет нам обойтись без этого опыта.

8. В современном мире произошла «гуманизация воспитания», его методы приобрели новый, более «мягкий» характер. С детьми стали обращаться аккуратней, больше позволять, учиться разговаривать с ними по-взрослому вместо того, чтобы применять насильственные методы воспитания. Все это очень хорошо, но если взрослый человек не умеет безошибочно применять подобные методы воспитания на практике (а это очень сложно), то это приводит к расхолаживанию молодых людей, к неправильной жизненной установке и нежеланию расти, становиться взрослым, самостоятельно принимать решения. Рост личности – это сложный процесс, требующий усилий. А усилия – это не то, на что способен изнеженный с детства человек.

Таким образом, мы выяснили, что современное общество в качестве среды формирования личности обладает не только новыми достоинствами, но и новыми недостатками. Недостатки нужно распознавать, осознавать и говорить о них, только так можно найти пути их решения и попытаться сделать наше общество действительно совершенным. Важную роль при этом призвана сыграть философия [5], качество преподавания философии [6], от которого во многом зависит успешность преемственности поколений [7].

Библиографический список

1. Аксенов О.Д., Воронов А.О. Проблемы формирования личности в современном обществе [Электронный ресурс] URL: https://www.bsuir.by/m/12_104571_1_105139.pdf#page=138 (дата обращения: 13.04.19).
2. Личность и индивидуальность [Электронный ресурс]. URL: <http://psylist.net/obh/00066.htm>. (дата обращения: 13.04.19).
3. Парменов А.А. О проблемах становления и развития личности в нестабильном обществе // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 70–77.
4. Федотова М.Г. Динамика проекта нового устойчивого общества в пространстве социальной коммуникации // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Новосибирск: СГУПС, 2015. № 2 (33). С. 93–97.
5. Мартишина Н.И. Философия как практическое знание // Резервы совершенствования профессионального образования в вузе: материалы международной научно-методической конференции / Сибирский государственный университет путей сообщения. Новосибирск, 2018. С. 98–102.
6. Минеев В.В. Единство теоретико-методологических и методико-практических аспектов преподавания философских дисциплин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2 ч. Ч. 1. С. 123–127.
7. Артемьева С.И., Кальней В.А. Педагогическое образование на стыке эпох // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. № 3(20). 2017. С. 105–111. DOI: 10.12737/issn/2587-912X

ВЛИЯНИЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОДРОСТКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

THE INFLUENCE OF MASS CULTURE ON ADOLESCENTS IN THE MODERN WORLD

В.О. Проценко

V.O. Protsenko

Научный руководитель С.П. Штумпф
Scientific adviser S.P. Shtumpf

Массовая культура, подростки, личность, современное общество, социализация.

В статье рассматривается воздействие массовой культуры на подростка. Рассказывается о видах, способах влияния на его мировоззрение, поведение и психику в современном обществе.

Mass culture, adolescents, personality, modern society, socialization.

This article analyzes the impact of mass culture on a teenager. Describes the types, methods of influence on his worldview, behavior and psyche in modern society.

В современном мире массовая культура имеет огромное влияние на поведение подростков. Именно публичная, незамысловатая культура оказывает наибольшее воздействие на мировоззрение и психологическое созревание молодых людей.

Интерес к явлению массовой культуры возник еще в XX веке. На сегодняшний день существует немало исследований, теорий и концепций «массовой культуры». Авторы большинства из них склонны рассматривать данное явление как социальный феномен, имеющий свой генезис, специфику и тенденции развития. Изначально массовая культура сформировалась в сфере досуга и развлечений. Ее целью было снять напряжение и стресс у человека. Но со временем эта цель трансформировалась в куда более агрессивную [1].

Теоретическая концепция Лесли Уайта подчеркивает развитие культуры человечества в целом. Уайт утверждает, что «понятие культуры является категоричным и выражает в себе характеристику надсоматической (суперорганической) системы реальности, присущей только человеческому обществу и имеющей свои собственные законы функционирования и развития» [2]. Яркий и продуктивный подход Д. Белла, гласит: массовая культура является своего рода организацией повседневного сознания в информационном обществе, особой системой знаков или особым языком, на котором члены информационного общества достигают взаимопонимания. Он действует как связующее звено между человеком и постиндустриальным обществом высокой специализации [3]. Х. Ортега-и-Гассет интерпрети-

рует массовую культуру как культуру, которая популярна и преобладает среди широких слоев населения данного общества. Она может включать в себя такие вещи, как бытовой аспект повседневной жизни, развлечения, средства массовой информации и др. [4]. Языком массовой культуры является эстетическая информация, представляемая беллетристическими изданиями, разделами газет и журналов, литературными, музыкальными, театральными рубриками на радио, телевидении, в Интернете, телевизионной, кино- и печатной продукцией, связанной с изобразительным искусством и архитектурой [5]. Рассмотрим их конкретнее, в контексте влияния на психологические и поведенческие черты подростков.

В свое время телевидение явилось настоящим прорывом в области распространения информации и коммуникаций. В то же время его принято винить во многих актуальных проблемах человечества. Большинство фильмов – это не наполненные смыслом картины, которые забываются на следующий день после просмотра. Включив телевизор, современный подросток обнаруживает около сотни каналов, которые имеют различную направленность. Естественно, что у потребителя есть выбор программ, но на каждом канале он увидит обязательно стандартные новости и однотипные рекламные ролики. Чтобы реципиент запомнил продукт массовой культуры, нужно, чтобы он был ярким, вызывал эмоции.

Для многих подростков Интернет является убежищем и средством развлечения, в котором они прячутся от своих проблем, страданий и трудностей. Чрезмерное использование подростками сети Интернет служит причиной их отрыва от других социальных занятий. В числе самого обычного влияния этих технологий на подростков можно указать резкое снижение успеваемости, отсутствие режима здорового питания, увеличение психических расстройств. В коммуникационном пространстве наблюдаются снижение социальной активности, а также уменьшение уровня общения с людьми. На сегодняшний день именно в Интернете создаются разного рода «группы смерти», вступая в которые, подросток заканчивает жизнь самоубийством, это такие группы, как: «Синий кит», «Тихий дом», «Море китов».

Музыка также оказывает огромное влияние на формирование личности подростка. Подросток, слушая музыку, погружается в мир эмоций, которые обычно скрывает. Слушателей рок-музыки часто сравнивают с наркоманами, поскольку они не могут проводить время вне рок-музыки. В такой музыке часто встречаются ненормативная лексика, призыв к убийству, самоубийству, пропаганде употребления наркотиков и алкоголя. Изображения и тексты песен представляют самоубийство как «альтернативу» или «решение» какой-либо проблемы. Это такие рок-группы, как «Slipknot», «Amotore», «Led Zeppelin», «Дмисайд», «Агата Кристи».

Еще одним примером агрессивного навязывания служит реклама. Она обычно не несет информацию о качестве продукта, а лишь возбуждает интерес к выгодному проекту. То, что сказано в рекламе, призывает изменить себя, создать себя как потребителя, взрастить общество потребителей. Это особенно действует на людей, которые наиболее восприимчивы к рекламе. Также следует отметить, что реклама косвенно усиливает социальное расслоение, поскольку не у всех родителей есть возможность покупать самые модные и дорогостоящие игрушки для своих детей.

Ориентируясь на эмоциональный отклик, опираясь на тиражирование и стандартизацию, массовая культура не требует от человека расширения знаний, интеллектуальных усилий, стремления к оригинальности и уникальности. Предлагая молодому человеку набор стандартных ситуаций, образов в определенной области жизни, моду на определенный стереотип, массовая культура, таким образом, освобождает человека от личной ответственности, от самостоятельных жизненных выборов. Массовая культура в той или иной степени, несомненно, влияет на интересы подростка. Можно с очевидностью утверждать, что с годами основа массовой культуры стала состоять в большей мере из негативных свойств, чем позитивных. Важно помочь подросткам сформировать правильное видение своего окружения, истинных ценностей, укрепить мировоззрение, устойчивое к негативному воздействию деструктивных сторон массовой культуры, мировоззрение независимости. Важную роль при этом сыграют образование [6], социокультурная рефлексия над феноменом детства [7; 8] и над смыслом жизни [9], гуманизация патриотического воспитания [10]. Ведь фактор культурной идентичности стал инструментом ведения «новых войн» [11].

Библиографический список

1. Абакарова Р.В. Культурология. Терминологический словарь // Гуманитарные и социальные науки / РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2017. 60 с.
2. Лесли А. Уайт. Понятие культуры // Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 2004, С. 159.
4. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
5. Пятаков Е. Трудный подросток: почему у него появляются криминальные установки // Народное образование. 2004. № 4. С. 242–250 [Электронный ресурс]. URL: <https://spbib.ru/catalog/-/books/12240604-trudnyu-podrostok-pochemu-u-nego-poyavlyayut-sya-kriminalnyue-ustanovki-> (дата обращения: 21.03.19).
6. Иванов А.И., Киселева Ю.Г., Куликова С.А. Личностное саморазвитие учащихся: теоретические аспекты // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2014. № 4(9). С. 3–8. DOI: 10.12737/7603
7. Кислов А.Г. Социокультурные смыслы детства. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. 152 с.
8. Кислов А.Г. Оправдание детства: от нравов к праву. Екатеринбург: РГППУ, 2002. 165 с.
9. Минеев В.В. Уход из жизни: социально-философский ракурс. М.: Директ-Медиа, 2014. 293 с.
10. Зимовина О.А. Исследование гуманистического аспекта в патриотическом воспитании студентов // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2012. № 1(1). С. 20–23.
11. Мартишина Н.И. Новые войны и конструирование идентичности // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 2 (15). С. 109–112.

ПРОВАЛ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ РАКУРС

THE FAILURE OF THE WHITE MOVEMENT: A SOCIAL PERSPECTIVE

Н.С. Скляренко

N.S. Sklyarenko

Научный руководитель С.П. Штумпф
Scientific adviser S.P. Shtumpf

Гражданская война, Деникин, армия, поражение, социум.

В статье рассматривается точка зрения Антона Ивановича Деникина по поводу социальных причин поражения Белого движения в Гражданской войне.

Civil war, Denikin, army, defeat, society.

The article deals with the point of view of Anton Ivanovich Denikin on the social causes of the defeat of the White movement in the civil war.

Гражданская война – это ужасное явление для любого государства. По мнению П. С. Грачева, это наиболее острая форма разрешения накопившихся в обществе социальных конфликтов. России привелось пройти это испытание в начале XX столетия. В той войне столкнулись две силы: белогвардейцы и большевики. И случилось так, что в ходе их противостояния победу одержали красные. Что же пошло не так для белых? Почему им не удалось отстоять идеи борьбы с большевизмом и сохранения учредительного собрания? Многие предводители Белого движения высказывали разные предположения по этому вопросу. Для нас наибольший интерес представляет точка зрения Антона Ивановича Деникина. Она основана на значительности личности генерал-лейтенанта Русской Добровольческой армии. Этот человек принял активное участие в освобождении Дона и Кубани от большевиков. Благодаря полководческому таланту ему почти удалось дойти до «сердца России» – Москвы. Также он являлся одним из родоначальников освободительного движения на Юге России. В чем же, по его мнению, провал Белого движения?

Стойкость армии определяется ее сплоченностью, социальным единством. Без этих составляющих любое войско способно превратиться в неуправляемую толпу. Именно падение морального духа, по мнению А.И. Деникина, является одной из основных причин развала Добровольческого движения. В начале Второго Кубанского похода войскам Антона Ивановича удавалось побеждать превышающего их числом противника. У Добровольческой армии не было ни хорошего снаряжения, ни хорошего снабжения, но была уверенность в своих силах и воля к побе-

де. На тот момент они мыслились как единый организм. Однако далее, на подходе к Орлу, в армию влились представители разных народов. Иными словами, произошли кардинальные изменения в социальном составе войск. Деникин об этом писал в своих мемуарах: «Состав добровольческих армий становился все более пестрым» [2, с. 93]. В нее вошли как белогвардейцы, так и казаки, горцы. И вся эта неоднородная масса представляла собой разрозненные группы, каждая из которых стремилась реализовать лишь свои цели. Донское и Кубанское казачество стремилось освободить от большевиков только свои земли. Освобождение всей России не входило в их планы. Белогвардейцы и терские казаки, напротив, стремились очистить Россию от большевизма. Представители горских народов рады были выплеснуть свой воинственный дух и не отказывались от грабежей. Разногласия между этими группами привели к усилению разобщенности в армии, что, в свою очередь, стало причиной поражения под Орлом.

Этические нормы в период военных действий обычно исходят из поля зрения воюющих, поэтому насилие и грабеж – бич любой войны. Человеку очень трудно удержаться от искушения отнять имущество у поверженного противника. Бесчинства, которые устраивали белогвардейцы, обозлили местное население. А.И. Деникин об этом писал: «Армии понемногу погрязали в больших и малых грехах» [1, с. 87–89]. Все это «разъедало» Русскую армию, превращая ее в кроважидную свору, забывшую истинную цель своего похода. Несомненно, не все солдаты опускались до такого состояния. Были и «многие праведники», как пишет о них Антон Иванович, которые не позволяли себе (а иногда и другим) совершать бесчинства.

Помимо красных, армии А.И. Деникина приходилось вести борьбу еще с одним противником. Это были анархические повстанческие шайки, такие как «зеленые» или банда Махно. Вот что пишет о них сам генерал: «Действия повстанческих отрядов вносили подчас весьма серьезные осложнения в стратегию всех борющихся сторон, ослабляя попеременно то одну, то другую, внося хаос в тылу и отвлекая войска с фронта» [2, с. 136–137]. Действительно, эти неподконтрольные никому банды жили только ради собственной наживы. Случалось так, что некоторые «атаманы» переходили на сторону белых. О таких переходах писал главнокомандующий киевской областью генерал Михаил Иванович Драгомиров: «Наибольшее зло – это атаманы, перешедшие на нашу сторону, вроде Струка. Это типичный разбойник, которому суждена, несомненно, виселица» [3].

Русской освободительной армии было не под силу справиться в одиночку с таким противником. Она крайне нуждалась в союзниках. Таковыми могли быть Англия и Франция. Но из-за трудностей в налаживании дипломатических отношений Русской армии не удалось осуществить поставку снабжения, которая ей нужна была как воздух.

О взаимоотношениях Добровольческой армии и кубанского правительства А.И. Деникин пишет, что это одна «из наиболее „внешних” причин неудачи движения». Желание кубанского правительства обрести политическую свободу и создать свою армию, сподвигло их вести подрывную деятельность по отноше-

нию к добровольческой армии. Это выражалось в том, что на территории Кубани стали создаваться газеты, порицающие действия добровольческой армии. Также для усиления сопротивления Кубанская законодательная рада приняла ряд постановлений, которые «развязывали руки» кубанскому правительству. Например, постановление № 4 от 14 и 19 июня, которое гласит, что «все гарнизоны в крае должны состоять исключительно из кубанских и горских частей», создавало военную опору для правительства. Все это вело к тому, что создавалась пропасть между дружественными силами, что облегчало большевикам задачу по уничтожению Белого движения.

События Гражданской войны происходили ровно сто лет назад. Но их подробности не освещают открыто в России. Однако ошибки, допущенные в прошлом, необходимо анализировать и делать из них соответствующие выводы. Если нынешнее поколение будет знать о событиях 1917–1922 годов, то это даст возможность не повторить ошибок наших предков. Изучение этого конфликта позволит прогнозировать исход подобных событий, происходящих в наше время.

Библиографический список

1. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Октябрь 1918 – Январь 1919 (фрагменты). Париж, 1921. Т. 1, вып. 1–2. С. 80.
2. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Январь 1919 – Март 1920. Париж, 1921. Т. 2. С. 390.
3. Драгомиров М.И. Учебник тактики [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/manuals/dragomirov_mi01/index.html (дата обращения: 25.03.19).

КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

CONFLICT SITUATION IN THE STUDENT'S ENVIRONMENT AND WAYS OF THEIR DECISION

А.Н. Кузовлева, А.Р. Харисова

A.N. Kuzovleva, A.R. Kharisova

Научный руководитель Н.В. Лукьяненко
Scientific adviser N.V. Lukyanenko

Социальное взаимодействие, технология управления конфликтами, конфликт, виды конфликтов, студенческая среда.

В статье на основе результатов теоретического и эмпирического исследования определены виды конфликтов в студенческой группе, а также рассмотрены технологии управления конфликтами при формировании социальных отношений.

Social interaction, technology of management of the conflicts, conflict, types of the conflicts, student's environment.

The article on the basis of the results of theoretical and empirical research identifies the types of conflicts in the student group, as well as the technology of conflict management in the formation of social relations.

В настоящее время изучение конфликтов относится к наиболее развивающейся области социально-гуманитарного познания. Конфликт представляет собой явление, охватывающее все сферы жизнедеятельности, в том числе и образовательную. В студенческой среде наряду с кооперацией и конкуренцией очень часто проявляется конфликтная форма социального взаимодействия [4]. Несмотря на то, что существует множество теорий и концепций описания конфликтов, сегодня остаются непонятными причины их возникновения в современном образовательном пространстве, а также способы их решения, учитывающие социально-психологические особенности участников конфликтных ситуаций.

В процессе решения теоретической задачи нами определены понятие, виды, особенности конфликтов в студенческой среде, рассмотрены тактики поведения личности в конфликтной ситуации.

Технология управления конфликтами включает в себя различные средства рационального воздействия на поведение участников социального взаимодействия с целью прогнозирования возможных конфликтных ситуаций, предупреждение деструктивных или стимулирование конструктивных конфликтов, их прекращение и подавление на этапе возникновения, а также регулирование и разрешение на этапах развития и завершения [3].

Исходя из данной проблемы, мы определили, что технология управления конфликтами в студенческой группе – это совокупность приемов, методов, процедур, используемых в определенной последовательности, применение которых будет способствовать решению конфликтных ситуаций и созданию комфортных психологических условий в студенческих группах [2].

В процессе изучения теоретических материалов мы обратили внимание на большое разнообразие классификаций конфликтов по различным основаниям. На наш взгляд, в студенческой среде в наибольшей степени проявляются конфликты, основанные на субъектном взаимодействии. Это внутренние личностные конфликты, а также внешние – межличностные, личностно-групповые и межгрупповые [3].

Необходимо заметить, что из числа названных конфликтов в студенческих группах наиболее часто возникают конфликты между личностью и группой. Эти конфликты зарождаются в ситуациях нарушения кем-либо из членов студенческой группы сложившихся норм поведения или общения [2]. В качестве подтверждения данного тезиса приведем один из примеров, установленных в ходе анализа многочисленных интернет-форумов, посвященных студенческой жизни. В один из Новосибирских вузов в группу, состоящую на 90 % из студентов русской национальности, был переведен гражданин иностранного государства. Низкая толерантность некоторых членов группы к уровню владения русским языком нового студента, выразившаяся в обидных шутках в его адрес, а также безразличное отношение других студентов к сложившейся ситуации, оскорбило иностранного студента. Вследствие чего возник конфликт между личностью и группой, который вышел за рамки группы и был урегулирован после вмешательства преподавателя. В процессе разрешения конфликта преподавателем были проведены профилактические беседы со студентами на тему «Взаимоотношения в студенческой среде». В дальнейшем во избежание конфликтных ситуаций в студенческих группах был разработан корпоративный сайт для обращения студентов с какими-либо просьбами друг к другу.

В ходе эмпирического исследования были установлены наиболее частые причины возникновения конфликтов в студенческой среде, а также основные способы их решения. Всего мы рассмотрели около 20 видов конфликтов и наблюдали несколько конфликтных ситуаций. В результате чего можно сделать вывод, что чаще всего конфликты возникают между студентами одной группы или преподавателем и студентом. С целью определения причин возникновения конфликтов был проведен анкетный опрос студентов, в котором приняли участие 89 человек из различных групп одного из высших учебных заведений г. Новосибирска.

Мы обратили внимание на то, что главной причиной конфликтов в студенческих коллективах может стать несовпадение взглядов (49,8 %), грубость (22,6 %), личная неприязнь (17,7 %), национальные различия (9,9 %).

Основная часть опрошенных считают, что конфликтные ситуации могут влиять как негативно, так и позитивно на учебный процесс.

Опрос выявил приоритетные меры по выходу из конфликтных ситуаций: упражнения на сплочение, совместное участие в конференциях и олимпиадах, организация досуговых мероприятий.

В связи с данной проблемой мы выявили различные способы разрешения конфликтов. Основные из них: сотрудничество, компромисс, приспособление (уступка), уход (уклонение), настойчивость (принуждение).

По результатам исследования мы сформулировали методы управления конфликтами, благодаря которым студенты смогут избегать конфликтных ситуаций. Однако конфликты требуют серьезно этической рефлексии [5; 6] и не могут быть надежно преодолены посредством ситуативных решений.

Библиографический список

1. Высоцкая А. Причины конфликтов (на примере студенческой группы) // Национальный исследовательский Томский политехнический университет.
2. Конфликтные ситуации в студенческой среде / Т.Р. Баймуратов, Л.М. Насретдинова, А.А. Хусаенова // Молодой ученый. 2016. № 8. С. 872–873.
3. Леонов Н.И. Психология делового общения: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Изд-во Моск. психол.-социальн. ин-та; Воронеж: МОДЕК, 2003. С. 106.
4. Соколова Е.Н. Конфликтология. Конфликты в системе управления персоналом организации. Внутриорганизационные конфликты: учебное пособие для слушателей факультета повышения квалификации. Красноярск: СибГТУ, 2005. С. 8.
5. Викторук Е.Н. Неклассические модели этической аргументации: монография / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Сибирский государственный технологический университет. СПб., 2003. 188 с.
6. Викторук Е.Н. Этика перемен: очерки неклассических теорий морали. Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2002. 188 с.

ПРОБЛЕМА «ЭЛЕКТРОННОГО» ПОКОЛЕНИЯ, ИЛИ КАК РОДИТЕЛИ ТЕРЯЮТ СВОИХ ДЕТЕЙ

THE PROBLEM OF THE 'ELECTRONIC' GENERATION OR AS PARENTS 'LOSE' THEIR CHILDREN

Е.Р. Телеватая

E.R. Televataya

Научный руководитель С.П. Штумпф
Scientific adviser S.P. Shtumpf

«Электронное поколение», гаджеты, инновационные технологии, родители, психические расстройства, интернет.

В статье рассматривается проблема зависимости детей и родителей от электроники. Раскрываются последствия постоянного использования гаджетов. Автор определяет основные правила, соблюдение которых поможет «не потерять» родителям своих детей.

«Electronic generation», gadgets, innovative technologies, parents, mental disorders, the Internet.

The article deals with the problem of the dependence of children and parents on electronics. Reveals the consequences of continuous use of gadgets. The author defines the basic rules, the observance of which will help «not to lose» the parents of their children.

XXI век – век новых технологий и инновационных открытий. Миллионное население городов ежедневно проводит бесконечное количество часов в мобильных телефонах, а могли бы потратить время с гораздо большей пользой. Например, заняться саморазвитием, спортом, провести время с друзьями или посвятить свободные минуты своим родным людям: семье, детям. Ежедневно мы видим, как занятые своими «важными» делами мамы или папы оставляют ребенка без внимания или предлагают ему поиграть в интересную игру в телефоне, на что маленький человек с охотой соглашается, погружаясь в несуществующий мир и вырабатывая сильнейшую зависимость от модного гаджета. Родителям гораздо удобнее дать малышу смартфон, чем поиграть с ним в реальные игры, на которые нужно время и настроение. Мало кто задумывается о том, какую опасность представляет такое поведение и отношение родителей к своим детям, что их можно «потерять» в бесконечном потоке виртуальных игрушек. Проблема электронного поколения бесконечно обсуждается и до сих пор является актуальной для нашего общества.

Высшие психические функции человека начинают формироваться с раннего детства. Возраст от рождения до 3 лет – самый важный для развития познавательной сферы малыша и в то же время один из самых тяжелых, так как наступает острый кризис третьего года жизни. Капризность, негативизм, своеволие,

упрямство, строптивость – все эти черты сливаются в одном маленьком человеке, который жаждет познать и освоить этот мир. И что делают родители, чтобы успокоить или уговорить на что-либо свое чадо? Конечно, они заинтересовывают его новой «игрушкой», которая называется мобильный телефон. И в те моменты, когда ребенку необходимо общение со взрослым, ему приходится довольствоваться общением с маминым смартфоном, что входит в привычку и делается весьма охотно, ведь у него всегда есть на малыша время!

Помимо зависимости от нанотехнологического устройства, ребенок получает вредное излучение, которое негативно влияет на развитие его мозга и иммунной системы. Это частично объясняет тот факт, что современные дети гораздо слабее в физическом развитии, чем предыдущие поколения и достаточно часто болеют. Воздействие гаджета на еще не сформировавшийся головной мозг чревато задержками когнитивного, психического и психомоторного развития, снижением способности к саморегуляции, самоконтролю и самодисциплине, а также к повышенной импульсивности и возбудимости, что влечет за собой нарушение сна и поведения [3]. Сидение за телефоном или планшетом и, как следствие, недостаток двигательной активности, может привести к задержке физического и умственного развития. Как известно, физическая активность улучшает внимание и активизирует способность к познанию и усвоению новой информации [4]. На сегодняшний день мы наблюдаем, как с каждым годом увеличивается количество детей с ограниченными возможностями здоровья. При этом родители искренне не понимают, что служит этому причиной. Действительно, что же?

Зависание человека в Интернете часто приводит к замкнутости и развитию различных фобий. Этот список можно продолжать: биполярное расстройство, развитие психоза и аномалий поведения и эмоционально-волевой регуляции, склонность к аутизму и расстройству привязанности (нарушение близкого эмоционального контакта с родителями), появление агрессии [3].

Нет ничего удивительного в том, что при попытке забрать «игрушку» у детей возникает истерика. Они перестают видеть в своих родителях самых важных людей, подаривших им жизнь, и проявлять к ним уважение, любовь и заботу, оказывать какую-либо помощь.

Но как действовать, чтобы избежать таких последствий? Как «не потерять» своих детей?

Самый полезный, но зачастую запоздалый совет – не начинать. Не давайте ребенку в руки планшеты, смартфоны, чтобы отвлечь его внимание, занять чем-то, а самим вернуться к более важным делам [5]. Конечно, если вы уже допустили такую ошибку и не знаете, как теперь быть, запомните – все хорошо в меру. Первое, что необходимо сделать, – это договориться со своим ребенком и установить определенные временные ограничения, когда он сможет пользоваться электроникой, а когда будет «отдыхать» от нее и заниматься любыми другими делами. Неплохо было бы установить для всех членов семьи правила, следование которым строго обязательно. Назовем некоторые из них [1]:

– за час-полтора до сна все члены семьи оставляют своих мобильные устройства в покое, и так до утра;

- никто ни при каких обстоятельствах не берет с собой смартфон за обеденный стол, и так в любое время суток;
- если вы идете на прогулку, отправляетесь в семейное путешествие, едите на дачу или еще куда-то с членами семьи – вы не берете с собой высокотехнологичные устройства, с которых можно выйти в сеть или поиграть в приложения;
- не давайте устройство ребенку, чтобы успокоить его, он должен учиться контролировать свое поведение и свои эмоции сам;
- как можно больше проводите время вместе, делитесь друг с другом информацией, эмоциями и чувствами.

Проблема электронного поколения – это неразрешимый вопрос для всего человечества, который влечет за собой страшные последствия. Мир перевернулся с появлением инновационных технологий. Общество сильно поменялось, люди стали другим, и отношения между ними тоже стали другими. Дети – это то, что осталось прежним, то, что нужно беречь и сберечь. Дети – это наше будущее, от них зависит дальнейшая судьба всего мира. Не «потеряйте» своих детей. Детство – это не просто возраст. Оно имеет громадный социокультурный смысл [4]. Вместе с тем необходимо признать, что информационно-образовательная среда изменилась необратимо [5]. Соответственно, в постиндустриальном обществе и на ценность человеческой жизни смотрят несколько иначе [6]. Однако технократизму необходимо оказывать сопротивление [7]. Поэтому задача заключается в сохранении лучших черт традиции, сохранении самой морально-нравственной ипостаси человека в условиях неизбежных перемен [8].

Библиографический список

1. Бережковская Е. Мобильная зависимость // Школьный психолог. 2006. № 5. С. 2–7.
2. Бобыкина Н. Ю. Полевые журналы наблюдений за пользователями электронных средств. 2014–2015. № 1, 2. С. 5–6; 10–14.
3. Керделлан З., Грезийон Г. Дети процессора: как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых / пер. с фр. А. Луцанова. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. С. 272.
4. Кислов А.Г. Социокультурные смыслы детства. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – 152 с.
5. Рабаданова Р.С. Информационно-образовательная среда опережающего обучения профессиональной подготовки студентов вузов // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2013. № 1(2). С. 27–31.
6. Рабаданов З.Р. К проблеме ценности человеческой жизни в постиндустриальной России // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2012. № 1(1). С. 55–58.
7. Минеев В.В. Феноменология как стратегия сопротивления медиализаторским установкам // Научно-исследовательские разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. № 3 (20). С. 54–60. DOI 10.12737
8. Викторук Е.Н. Этика перемен: очерки неклассических теорий морали. Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2002. 188 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ СЕМЬИ

THE EVOLUTION OF THE FUNCTIONS OF THE FAMILY

О.А. Леонидова

O.A. Leonidova

Научный руководитель Л.В. Логунова
Scientific adviser L.V. Logunova

Семья, функции семьи, типы семьи, брак, патриархат.

Цель статьи – рассмотрение этапов развития семьи, историческое изменение их функций по схеме закона «отрицания отрицания» Г. Гегеля. На первом этапе функции семьи практически не отделялись от функций общества (древнее общество). На втором этапе (патриархат) семья сама становится «малым обществом». В середине XIX века нуклеарная снова семья передает обществу значительную часть своих функций, но человек в ней защищен меньше, чем в древности.

Family, functions of the family, family types, marriage, Patriarchate.

The purpose of the article is to consider the stages of family development, the historical change of their functions according to the scheme of the law „negation of negation” by G. Hegel. At the first stage, the functions of the family were practically not separated from the functions of society (ancient society). At the second stage (Patriarchy), the family itself becomes a „small society”. In the middle of the XIX century, the nuclear family again transfers to society a significant part of its functions, but the person in it is less protected than in ancient times.

Тема семьи и брака в наше время, как никогда, актуальна. До середины XIX века семья рассматривалась как исходная микромодель общества, социальные отношения выводились из семейных, само общество философами и историками трактовалась как разросшаяся вширь семья. Поэтому интерес к происхождению человечества способствовал развитию исторического взгляда на семейный строй.

На протяжении веков формы традиционной крестьянской семейной жизни были «адаптированы» к экономическим и социальным условиям российского земледельческого хозяйства. Но во второй половине XIX века эти условия быстро исчезали, и семейные структуры, формы и нормы семейных отношений, приспособленные к таким условиям, лишались опоры. Именно в это время проявились противоречия «малой» и «большой» семьи. Функции семьи в ходе истории изменяются, как изменяется и сама семья. Так, например, в период, когда семья отличалась примитивной организацией, ее функции не обособлялись резко от общественных, ибо слабо вооруженный технически и слабо защищенный человек не мог жить и трудиться лишь в рамках семьи.

Позже семья становится «малым обществом» и в значительной мере освобождает человека от зависимости от общества в целом (патриархальная семья).

В конце концов, опять происходит значительное переплетение функций семьи и общества, и последнее берет на себя значительную часть функции семьи [1].

В период социально-экономических преобразований в обществе претерпевают изменения и функции семьи. Ведущей в историческом прошлом являлась экономическая функция, подчиняющая себе все остальные: глава семьи – мужчина – был организатором общего труда, дети рано включались в жизнь взрослых. Экономическая функция всецело определяла воспитательную и репродуктивную функции. В настоящее время экономическая функция семьи не отмерла, но изменилась.

Для каждого человека семья выполняет эмоциональную и рекреативную функции, защищающие человека от стрессовых и экстремальных ситуаций. Уют и тепло домашнего очага, реализация потребности человека в доверительном и эмоциональном общении, сочувствие, сопереживание, поддержка – все это позволяет человеку быть более стойким к условиям современной беспокойной жизни. Сущность и содержание экономической функции состоит в ведении не только общего хозяйства, но и в экономической поддержке детей и других членов семьи в период их нетрудоспособности [1].

В современном обществе залогом успеха становятся не столько социальное происхождение индивида, прежде определявшее его судьбу, сколько его личные достижения и заслуги. Семейная принадлежность все меньше определяет социальный статус лица. Личные устремления начинают превалировать над семейными обязательствами. Они предопределяют брачный выбор, место проживания и род занятий индивида. Возникающая в индустриальном обществе нуклеарная семья (муж, жена, ребенок) становится более уязвимой в случае неблагоприятного развития событий (болезнь, старость, уход из жизни, материальные потери у кого-нибудь из членов семьи), чем семья патриархальная, где все подобные случаи могли быть компенсированы в силу взаимных обязательств. Тенденции в развитии социальных функций семьи в условиях современной России будут определяться в прямой связи с обретением семьями (и гражданами) социальных и экономических прав (право собственности в их числе), обретением реальной материальной основы семьи, во-первых, и социально-культурных, духовных семейных ценностей гуманистического характера, во-вторых.

Эволюция взглядов на семью в последние десятилетия XX века отражала объективные процессы постепенного утверждения городской семьи в новом социальном мире, ее возрастающую тягу к самостоятельности, «суверенности», хотя, конечно, десятилетия государственного патернализма оставили глубокий след. Но все же разрыв с идеями всеобъемлющего патернализма, равно как и тесно связанным с ним принципом «семья для государства», к концу столетия обозначился довольно четко. С принципом «человек для семьи» дело обстояло иначе. Он был основательно укоренен в культуре. Массовое сознание долго не могло освободиться от заветов патриархальности. И все же при всей важности устойчивых идеологических позиций их влияние на реальное развитие событий не абсолютно. Старая патриархальная семья с присущими ей ценностями действительно разрушалась, и это подрывало не только классический принцип «человек для семьи», но и его советское дополнение принципом «семья для государства» [2, с. 249].

Какое-то время казалось, что в России, как и в других развитых странах, место старой семьи заступает новая, достаточно стабильная супружеская мало-детная семья городского типа, сильно отличающаяся от патриархальной, но все же сохраняющая по отношению к ней и определенную преемственность. Однако тенденции развития европейской семьи самого последнего времени заставляют усомниться в надежности такого прогноза. Судя по всему, поиск новых форм организации личной жизни человека выходит за рамки супружеской семьи и пока далеко не завершен, так что исследователям не остается ничего иного, как наблюдать за происходящими изменениями, стремясь понять их не всегда ясный глубинный смысл [3]. У семьи имеется много необычных функций и они к тому же трансформируются [4, с. 535]. Большое значение в данном случае уже играют нетрадиционные репродуктивные технологии [5, с. 67–70]. И понимать происходящие изменения можно не только на инструментальном уровне, но и на метафизическом [6]. Немаловажным фактором является и то, что семьи в России и Европе отличаются: русская семья до сих пор сохранила некоторые черты патриархальной семьи и в большинстве своем опирается на кровное родство, в европейской семье женщина имеет большую независимость и зачастую кровного родства нет.

Библиографический список

1. Митрофанова Е. С. Семья и брак, матримониальное, репродуктивное и сексуальное поведение в крестьянской, советской и современной России. URL: [http:// www.demoscope.ru/weekly/2010/0423/student01.php](http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0423/student01.php) (дата обращения 15.04.2019).
2. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. 1940–1959 М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. 416 с.
3. Лапшина З.С. Образ русской семьи XX–XXI веков [Электронный ресурс]. URL: [http:// pravostok.ru/blog/obraz-rysskoi-semi-hh-hhi-vekov](http://pravostok.ru/blog/obraz-rysskoi-semi-hh-hhi-vekov)(дата обращения: 10.04.2019).
4. Минеев В.В. Введение в историю и философию науки: учебник для вузов / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Изд. 3-е, перераб. и доп. Красноярск, 2012. 640 с.
5. Викторук Е.Н., Минеев В.В. Биоэтика: лекции и материалы к практическим занятиям: учебное пособие для обучающихся по образовательной программе 39.03.02 – Социальная работа / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. 140 с.
6. Минеев В.В. Смысл биоэтики: дилеммы инструментализма и метафизики в постижении живого // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2014. № 3 (29). С. 28–31.

ПОНЯТИЕ ИДЕИ И КОНЦЕПЦИЯ ПРИЧИННОСТИ В ФИЛОСОФИИ ЮМА

THE CONCEPT OF IDEA AND THE CONCEPT OF CAUSALITY IN THE PHILOSOPHY OF HUME

М.Ю. Донников

M. Yu. Donnikov

Научный руководитель Л.В. Логунова
Scientific adviser L.V. Logunova

Эмпиризм, скептицизм, каузальность, три типа причин.

Цель статьи – рассмотреть три типа идей в философии Д. Юма. Это ассоциации по сходству, по смежности в пространстве и времени и ассоциации причинности. Субъективно человеческий мозг фиксирует только идеи сходства, пространственной близости и причину со следствием. В первых двух случаях разум довольствуется показаниями чувств, в случае причинности разум принимает за реальность повторяющиеся события в виде привычки и ожидания.

Empiricism, skepticism, causality, three types of causes.

The purpose of the article is to consider three types of ideas in the philosophy of D. Hume. This Association by similarity, contiguity in space and time and causality of the Association. Subjectively, the human brain captures only the ideas of similarity, spatial proximity and cause and effect. In the first two cases, the mind is satisfied with the testimony of feelings, in the case of causality, the mind takes for reality repeated events in the form of habits and expectations.

Взгляды и воззрения на проблему познания и истины представителя эмпиризма и скептицизма философа Давида Юма, что стоят в центре нашего внимания, характеризуются радикальной приверженностью мыслителя к агностической позиции (гносеологический пессимизм). Согласно агностической позиции, возможность познания мира ограничена исключительно органами чувств. Таким образом, предметом познания, согласно юмовской гносеологии, может выступать исключительно то, что доступно чувственному постижению и ощущениям, чувственный мир. Юм, таким образом, «развил эмпирическую философию Локка и Беркли до ее логического конца» [1, с. 778].

Так, во главе юмовской теории познания лежит проблема каузальности, или причинности. Содержание познавательного процесса представлено феноменами впечатления и идеи. В истоке познания находится восприятие (как и все содержащее, сознание есть совокупность восприятий, «соединение перцепций»), которое делится на два вышеозначенных феномена, неотделимых друг от друга: впечатления и идеи [2, с. 369].

Итак, идеи первичны, они образуют подлинную реальность сознания, вместе с тем они не являются знанием, поскольку у них нет объекта, движение от которого к впечатлениям могло бы быть понятым в качестве познания. В человеческом сознании, по Юму, не содержится и не фиксируется какой бы то ни было внешней и независимой от самого сознания реальности. Понятие реальности тем самым заменяют впечатления. Последние «можно разделить на два рода: впечатления ощущения и впечатления рефлексии. Первый род впечатлений первоначально возникает в душе от неизвестных причин. Вторым извлекается (...) из наших идей...» [3, с. 661].

Идеи, в свою очередь, представляют собой копии впечатления либо их комбинации. Процессы копирования и комбинирования выражают сущность познавательного процесса в трактовке Давида Юма, сведенного к процессу соотнесения идеи с определенными впечатлениями. В случае верности такого соотнесения идей с впечатлениями имеет место быть истинное мышление, при неверном соотнесении возникают заблуждения. «Дух – нечто вроде театра, в котором выступают друг за другом различные восприятия; они проходят, возвращаются, исчезают и смешиваются друг с другом в бесконечно различных положениях и сочетаниях» [3, с. 346]. Из этого следует, что сами идеи не содержат в себе ничего нового по сравнению с впечатлениями. И то, что момент обретения нового впечатления выступает основным свойством его сознания как такового, к тому же принципиально необъяснимым.

Согласно Юму, идеи соединяются между собой и, таким образом, находятся в определенных отношениях. Он разрабатывает оригинальную классификацию отношений, выделяя три типа отношений-ассоциаций (принципов). Первый тип ассоциаций – это ассоциации по сходству. Вторым тип – ассоциации по смежности в пространстве и времени. Наконец, третий тип – ассоциации причинности. Тождество (сходство), пространственно-временные отношения и причинность. Помимо указанной типологии ассоциаций, Юм также выделял три закона ассоциации идей: сходство, близость и причину со следствием. И если познание сходства и близости вполне определено, оно не является проблематичным. Как и вообще в двух первых отношениях разум не выходит за пределы того, что непосредственно дано чувствам. Причина и следствие создают известную трудность в их постижении.

Философ определяет причину как «объект, предшествующий другому объекту, смежный ему и так с ним соединенный, что идея одного из них принуждает дух к образованию более живой идеи другого, а впечатление одного – к образованию более живой идеи другого» [2, с. 223].

Понятие причинности возникает как результат многократного следования одного явления за другим, посредством обобщения повторяемости данного следования человеческое мышление делает вывод о существовании причинно-следственной связи между явлениями. Однако в действительности, полагал Юм, такой вывод суть чистый продукт мышления, не имеющий под собой объективных оснований. Пусть понятие причинности не может быть обосновано логиче-

ски и онтологически и, тем не менее возможно психологическое понимание того, почему каузальные суждения воспринимаются нашим сознанием как суждения истинные.

Согласно выводу, сделанному Юмом, никаких объективных причин не существует. Существуют только привычка и ожидание связи одних явлений с другими явлениями, а также закрепление указанной связи в ощущениях. Итак, каузальность, по Юму, в качестве теоретического предмета принадлежит к числу продуктов психической деятельности познавательного субъекта, а не объективно существующих явлений. Основной же мотив интереса к проблеме каузальности (причинности) связан с тем, что анализ указанной категории раскрывает целую совокупность родственных понятий, таких как сущность, субстанция, основание.

В основе юмовской эмпирической философии – теории познания, как уже было показано выше, лежит опыт. Главным источником знания выступает причинная связь. Вопрос об источнике знания, становится, таким образом, вопросом о причине наших представлений.

Юм проводит известную мысль, если знание – производное от данных ощущений и изменчивости чувств, следовательно, нет никакой возможности рассуждать об объективном и истинном знании. Однако нам естественным образом присуща способность накапливать и структурировать полученное знание. Именно за это отвечают вышеупомянутые принципы ассоциации и причинности в гносеологической системе Юма.

Концепция причинности Юма обозначила теоретическое и практическое значение общей проблемы индуктивного обоснования знания. В последующей истории научно-философской мысли эта проблема вызвала колоссальный интерес [4], оказалась на пересечении множества разнообразных философских подходов [5, с. 58], получила не только собственно когнитивное, но и нравственно-практическое наполнение, которое сохраняет актуальность по сей день [6]. Однако эта тема выходит за рамки данной статьи.

Библиографический список

1. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2007. 992 с.
2. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения: в 2 т. / пер. с англ. С.И. Церетели и др.; вступ. ст. А.Ф. Грязнова; примеч. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1996. Т. I. 735 с.
3. Юм Д. Сокращенное изложение «Трактата о человеческой природе» // Юм Д. Сочинения: в 2 т. / пер. с англ. С.И. Церетели и др.; вступ. ст. А.Ф. Грязнова; примеч. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1996. Т. I. 735 с.
4. Викторук Е.Н., Черняева А.С. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014. 156 с.
5. Минеев В.В. Атлас по истории и философии науки: учебное пособие для студентов вузов / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск. 2013. 120 с.
6. Викторук Е.Н. Неклассические модели этической аргументации: монография / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Сибирский государственный технологический университет. СПб., 2003. 188 с.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ЛИЧНОСТИ

TRANSFORMATION OF PEDAGOGICAL SCIENCE WITHIN THE FRAMEWORK OF MODERN REQUIREMENTS TO PERSONALITY

А.Г. Литвинова, Г.К. Антошечкина

A.G. Litvinova, G.K. Antoschekina

Научный руководитель Е.Н. Викторук
Scientific adviser E.N. Viktoruk

Педагогика, качество образования, общество, преобразования, подготовка кадров, личность, профессионализм.

В статье рассматривается актуальный вопрос современной педагогической науки о приоритете определяющих задач и целей обучения в воспитании детей, построении новой системы образования. Главной целью и движущей силой, осуществляемых в Красноярском крае преобразований являются всестороннее развитие каждого человека, формирование академических и жизненных компетенций.

Pedagogy, quality of education, society, transformation, training, personality, professionalism.

This article deals with the topical issue of modern pedagogical science on the priority of defining tasks and goals of education in the upbringing of children. On the construction of a new education system. The main goal and driving force of the reforms carried out in the Krasnoyarsk region is the comprehensive development of each person, the formation of academic and life competencies.

Теория деятельностного подхода, который предполагает активное участие ребенка в процессе обучения, принадлежит знаменитому советскому психологу А.Н. Леонтьеву. Сама по себе идея не нова: как писал еще Фрэнсис Бэкон в эпоху Возрождения, лучше всего запоминается то, что досталось тебе с трудом, или то, что нужно лично тебе. На языке современной педагогики это звучит так: ученик «изначально является субъектом познания» [1, с. 45–55]. Работы педагогов И.С. Якиманской, Е.В. Бондаревской, В.В. Серикова, С.В. Беловой, М.М. Балашева идут в русле этой традиции.

Демократизм (до известной степени, разумеется), индивидуальный подход к каждому ученику – вот качества настоящего учителя. Тем более что именно этого требуют современные стандарты обучения, которые все более активно проводятся в российской педагогике [2, с. 45–50].

Исследованиями в области преобразования педагогической науки в рамках современных требований к личности занимаются В.А. Сальников, Н. Афанасьева. Авторы утверждают, что в основу эффективности и результативности образовательного процесса должен быть положен личностно ориентированный подход [3; 4].

В стороне не остается и Красноярский край, который бережно сохраняет педагогическое наследие советской системы образования. Ведь именно во времена СССР было введено бесплатное всеобщее образование – от дошкольного до высшего. Современность многое утратила из этого. Но и сейчас признаком качественного образования считается доступность образовательных услуг, работа с одаренными учащимися и детьми с ограниченными возможностями здоровья, улучшение материально-технической базы учреждений, предоставляющих услуги развития, обучения ребенка, повышение качества профессиональной подготовки для экономики края [5].

Существуют и отличия. Современный ученик в условиях рыночной экономики должен, прежде всего, обладать качествами конкурентоспособности и высокой адаптивности. Кроме того, такая система образования нацелена на его непрерывность, необходимость учиться всю жизнь.

А.И. Адамский, представляющий институт проблем образовательной политики «Эврика», выделяет следующие новые требования к образованию и педагогике в современном мире в целом [6]:

- необходимость образования в течение всей жизни, а также индивидуальный подход к каждому;
- содержание образования необходимо ориентировать не только на освоение готовых специализированных знаний, но и на формирование креативных и социальных компетентностей;
- важно опираться на самостоятельную работу учащихся как критерий освоения и приобретения определенных компетенций.

Личностно ориентированный подход к образованию буквально означает следующее. Учащиеся должны в результате обучения не только овладеть определенными знаниями, но и сформировать ценностно значимые запросы и намерения. Это такие качества индивида, как ответственность и патриотизм [7].

Содержание образования при таком подходе – это адаптированный и структурный социальный опыт, состоящий из четырех важных частей:

- познавательной деятельности и ее результатов в виде знания/осуществления известных способов деятельности (умение действовать по образцу);
- творческой деятельности (умение принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях);
- осуществления эмоционально-ценностных отношений (личностные ориентации).

Таким образом, построение современной системы образования фактически возвращает нас к традициям классической советской педагогики, которая воспитала поколение, победившее в Великой Отечественной войне, поколение, которому мы обязаны полетам в космос и званию гражданина великой державы [8; 9].

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. М.: Логос, 2000. 384 с.
2. Перминова Л.М. Теоретические и методологические основы развития современной дидактики // Педагогика. 2013. № 5. С. 45–50.

3. Сальников В.А. Инновационное обучение: личностно ориентированный подход // Высшее образование в России. 2010. № 11. С. 22–27.
4. Афанасьева Н. Личностный подход в обучении // Школьный психолог. 2014. № 34. С. 120–135.
5. Красноярский край официальный сайт. Образование [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.krskstate.ru/2030/plan/3_4_2/0/print/yes (дата обращения: 03.05.2019).
6. Гуляева Т.Ю. Современные требования к качеству образования [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://открытыйурок.рф/статьи/570172/> (дата обращения: 03.05.2019).
7. Справочник24. Требования к содержанию образования [Электронный ресурс] / URL: https://spravochnick.ru/pedagogika/teoriya_obucheniya/trebovaniya_k_soderzhaniyu_obrazovaniya/ (дата обращения: 03.05.2019).
8. Артемьева С.И. К содержанию подготовки бакалавра: методологический аспект // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2012. № 1(1). С. 49–52.
9. Артемьева С.И. Методологическая подготовка – ведущее звено в реализации компетентностного подхода и повышении качества образования // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2013. № 1(2). С. 8–14.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

TRANSFORMING THE IDEOLOGICAL FUNCTION OF CULTURE KNOWLEDGE IN MODERNITY

В.В. Минеев

V.V. Mineyev

Культура, культурология, концепт, миф, идеология.

Рассматривается идеологическая функция концепта «культура» и культурно-ориентированного (культурологического) знания. Предпринимается попытка вскрыть важнейшие причины трансформации этой функции в современном обществе. Автор опирается на идеи Р. Барта и его последователей.

Culture, culturology, concept, myth, ideology.

The ideological function of the concept „culture” and cultural-oriented (cultural) knowledge is considered. An attempt is made to reveal the most important reasons for the transformation of this function in modern society. The author relies on the ideas of R. Barth and his disciples.

Статус культурологии и как научной дисциплины, и как учебного предмета активно обсуждается в научной и научно-методической литературе [1]. Особенно часто поднимается вопрос о том, имеется ли у культурологии собственный предмет или она входит в состав других наук. Ведь культуру изучают социология, психология, культурная антропология... Вообще любая гуманитарная наука. В большинстве случаев дискуссии завершаются компромиссом: можно говорить о культурологии в узком смысле слова, а можно и в широком. И особая наука, и совокупность исследований в рамках разных дисциплин. Легитимацию культурологии как особой науки обычно связывают с именем Лесли Уайта [2]. Однако общего признания она в англоязычном мире так и не получила. Конкретные культурные формы считаются предметом, прежде всего, культурной (социальной) антропологии, этнологии, этнографии и еще целого спектра близких к ним дисциплин. Авторитетом пользуются cultural studies («культурные исследования»), в рамках которых изучаются культурные практики в их связи с властными отношениями [3]. Впрочем, единства в понимании всех этих терминов и, соответственно, границ научных областей, которые этими терминами обозначены, не наблюдается. Основной предпосылкой сохранения терминологической неопределенности является, конечно, необычайная протейность самого концепта «культура».

Под концептом понимается элементарная когнитивная единица, «пучок» понятий, переживаний, оценок, специфическое ментальное образование, позволя-

ющее интерпретировать явление в зависимости от имеющегося опыта, личного и социального. Хотя концепт не всегда отвечает стандартам научного понятия, он способен служить средством междисциплинарного исследования или иной совместной деятельности людей. Он получает не только вербальное выражение, но также визуальное, жестовое, практически-действенное. Вот и концепт культуры определенным образом сближает участников интеллектуального поиска и формирует контуры (пусть нечеткие) особого познавательного сообщества. Правда, как показал когда-то Ролан Барт, концепты легко ассимилируются социальной мифологией [4], что вновь и вновь подтверждается современными авторами [5].

На протяжении трех столетий позиции концепта культуры повсеместно укреплялись, и к настоящему времени он выдвинулся – несмотря на всю свою неустойчивость – на авансцену практически во всех научных и вненаучных дискурсах, имеющих какое-либо отношение к человеку и обществу. Важно понять, что же является движущей силой этого процесса непрерывной экспансии культурологического знания (обозначим данным термином всю совокупность знаний, интегрированных вокруг концепта «культура»).

Едва ли причиной такого мощнейшего интеллектуального тренда стали сверхценные открытия в области главной науки о человеке (таковой ее считал Л. Уайт), и предмет, и метод, и границы, и статус которой до сих пор остаются непроясненными. Не вызывает сомнений, однако, другой момент. «Культура» выступает – во всяком случае, в медиапространстве, в политическом дискурсе и в доменах прочих регуляторов общественной жизни – в качестве бренда, знамени, очень важного символа. Мы бы даже сказали: в качестве шибболета, полный смысл которого до конца пока не ясен, но который постепенно открывается в ходе новейшей истории. Культурологическое знание само является частью общества, то есть объекта, который изучает и определенным образом конструирует. Является инструментом властных структур и стратегией трансформирования социально-коммуникативной реальности. Поэтому было бы правомерно сфокусировать внимание не на описательной, объяснительной или оценочной функции культурологической мысли, а на функции идеологической. На идеологической функции концепта «культура» и, соответственно, культурологического знания.

Разумеется, и собственно культурология, будучи академической дисциплиной, составляющей относительно небольшую, но важную область культурологического, точнее, культурно-ориентированного знания, призвана способствовать реализации некоторого идеала, осуществлять определенное воздействие на мысли и поведение людей. В частности, посредством преподавания курса «Культурология», хотя, на наш взгляд, в гораздо большей степени в процессе преподавания философии, социологии, психологии, истории, даже экономики, по праву занимающих более важные позиции в учебной программе. Интерес к «культуре» объединяет «нас», «наших», например, «современно мыслящих» гуманитариев, вообще людей. В чем же состоит идеологическая парадигма культурологического дискурса, функция концепта (или мифологемы) «культура»? Сформулировать даже самые простые гипотезы в ответ на этот вопрос позволяет только всесторонний, комплексный анализ.

Общий настрой культурологической мысли прошлых веков был таким, что культурный образ человека противопоставлялся его природному состоянию и оценивался, как правило, позитивно (несущественные отклонения от простой схемы наблюдаются, например, у Руссо, у романтиков, но детали в данном случае можно опустить). В прогрессе культуры (причем речь шла о «духе») видели смысл самой истории. Культурное превосходство Запада так или иначе служило основанием колонизаторской политики, хотя очень скоро и не в последнюю очередь именно в пространстве культурологического дискурса оформилось эпохальное противостояние между европоцентристами и их многочисленными оппонентами. Время от времени культурологический проект отступал на задний план под натиском социологии, психологии, лингвистики, но тут же отыгрывал свои позиции, воспроизводясь в контекстах самих же потеснивших его научных дисциплин. Этому триумфальному восхождению можно попытаться дать объяснение.

Во-первых, социологические, экономические и политические проекты, принадлежавшие, соответственно, к парадигмам класса, рынка и жизненного пространства, своей высокой миссии не выполнили. Независимо от того, отдавалось ли предпочтение классовому подходу или, наоборот, межклассовой солидарности, свободному рынку или плановой экономике, демократии или фашизму (особенно в его изначальной, итальянской версии). Нетрудно заметить, что социальный антагонизм, межклассовый, межнациональный и всякий другой, не преодолен. Катастрофические войны предотвратить не удалось. Количество самоубийств не снизилось. Коммунизм не победил. Западная демократия надежд не оправдала. Поэтому, на наш взгляд, любые науки (включая и социальную философию), шедшие в авангарде познания человека и общества, на сегодняшний день, по большому счету, дискредитированы. Отсюда объяснимо желание концептуализировать, например, различия между рабочим и буржуа не в терминах дохода или политических интересов, а в терминах культурных различий. Хоть какой-то выход из патовой ситуации. В этой связи уместно напомнить тезис, приводимый, в частности, отечественным культурологом А.Я. Флиером, о том, что в отечественном образовании культурология замещает истмат [1].

Тем временем, во-вторых, в условиях глобализации, более того, перед лицом угрозы глобальной катастрофы, когда толерантность и политкорректность становятся жизненной необходимостью, приходится искать новые, более мягкие способы концептуализации старых конфликтов. В соответствии с моделью мифологического сознания, предложенной К. Леви-Строссом, острая оппозиция замещается менее резкой, менее опасной. Вместо нанесения прямого физического ущерба, причиненного коренным народам, предпочтительнее говорить о нанесенной культурной травме. В культурологическую плоскость целесообразно перевести и проблему противостояния цивилизаций (не в борьбе за ресурсы суть), и вопрос о формах капитализма (не в присвоении чужого труда дело, а в культуре предпринимательства). Да и причины суицида лучше рассматривать не в терминах социологии, не с точки зрения характера социальных связей (как это делал, например, Э. Дюркгейм), а с акцентом на культурных особенностях наро-

дов. Л. Уайт не раз подчеркивал, что человека отличает от животных не общество (читай: социальное устройство), а культура. И нельзя не согласиться с тем, что для достижения социальной гармонии концепт «культура» инструмент куда более подходящий, чем «класс». Культурную оппозицию преобразовать в «диалог культур» легче, чем классовую. Был бы результат.

К тому же, альтернативы культурологическому повороту не очень хорошие. Одной из них могла бы стать тотальная медикализация социальных, духовных проблем [6]. Поэтому, в-третьих, культурно-ориентированная социально-гуманитарная платформа (можно даже сказать социально-гуманитарная технология конструирования истории) выполняет функцию сопротивления такой опасной перспективе. Гуманитариям свойственно стремление, наоборот, демедикализировать даже традиционно медицинскую тему здоровья и болезни [7].

В-четвертых, ни политическая, ни экономическая риторика не смогли сколь-нибудь заметным образом затормозить сползание человечества к экологической катастрофе. На фоне такого фиаско и возлагаются надежды на культурно-цивилизационный подход. По мнению глубинных экологов (А. Несс, У. Фокс, Б. Калликот, Дж. Сешенс), западная метафизическая традиция, с которой связаны и христианский дуализм, и научный объективизм, завела нас в тупик. Задача заключается в радикальном изменении души, в преодолении раздвоения мира на человеческий и природный. Таким образом, корни экологических проблем стали искать в иудео-христианской традиции. Опять же, культуролог Л. Уайт писал: «...Христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов» [8, с. 188]. Многие, однако, с подобными оценками не согласились и выдвинули веские контраргументы. Сегодня в спор об историко-экологической роли авраамической традиции втянулись тысячи философов. Правда, за напряженностью дискуссий как-то совсем не вспоминают о том, каким образом достижение консенсуса по данному явно неразрешимому вопросу (если бы оно все-таки состоялось) помогло бы остановить вырубку бразильской сельвы или разворовывание российского леса. Ну да бог с ним. Сейчас речь не об этом. Мы хотели бы обратить внимание на то обстоятельство, что, если в прежние времена концепт «культура» фактически создавал непреодолимый барьер между человеком и всеми прочими существами, между духом и материей, то теперь его пытаются заставить работать на обоснование холистического видения мира, на идеал единства человека и природы. Культура – это уже не просто то, что отличает человека от остальных животных, но это свойство одного из видов животных – человека. А возможно, и не одного. Предполагают, что культура старше человека и зачатки ее присутствуют у животных иных родов и даже более крупных таксонов. Культурология все чаще и глубже задумывается о жизни [9; 10]. Если такое изменение акцентов действительно поспособствует решению проблемы глобальной стабильности биосферы и поддержанию биосистем, то идеологическую функцию культурологического знания можно будет считать в высшей степени позитивной, а миссию – выполненной. Но пока серьезных оснований для оптимизма нет. Вспо-

минаются Бритва Оккама и рассуждения Юма об идее существования: думать о какой-нибудь вещи и думать о ней как о существующей совершенно одно и то же; идея существования, присоединенная к идее какого-нибудь объекта, ничего к ней не прибавляет [11]. А что прибавляет идея культуры, присоединенная к экономике, политическому устройству, технике, истории, сознанию? Как минимум выполняет важные идеологические функции, обеспечивает реструктуризацию и мобилизацию знаний и ценностей. А то, насколько эти функции позитивны и насколько успешно выполняются, не усилят ли они биодетерминистский подход к человеку, морали и культуре в целом [12, с.79–81], покажет время.

Библиографический список

1. Флиер А.Я. Академизм культурологии – свидетельство ее зрелости // Культура культуры. 2015. № 3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akademizm-kulturologii-svidetelstvo-ee-zrelosti> (дата обращения: 02.05.2019).
2. Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 960 с.
3. Sardar Z., Van Loon B. *Introducing Cultural Studies*. Cambridge: Icon Books, 2004. 176 p.
4. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные труды: Семиотика. Поэтика. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. С. 72–130.
5. Понизовкина И.Ф. Семиолог Р. Барт и социальный миф: современное прочтение // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2017. № 5 (95). С. 190–197.
6. Минеев В.В. Феноменология как стратегия сопротивления медиализаторским установкам // Научно-исследовательские разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. № 3 (20). С. 54–60. DOI 10.12737
7. Gokh A.F, Mineev V.V., Viktoruk E.N. *Defending Identity And Diversity: The Potential of Cultural Anthropology for Reshaping Autism* // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. Т. 12. № 5. С. 1947–1961.
8. Уайт Л. Исторические корни нашего экологического кризиса // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 188–203.
9. Тайгунова Т.В. «Жизнь» как синтез социально-биологических представлений о человеке // Евразийский юридический журнал / Московский гос. юр. ун-т им. О.Е. Кутафина. 2018. № 6. –С.501–503. ISSN 2073-4506. Журнал из перечня ВАК. URL: <https://eurasialaw.ru/>
10. Тайгунова Т.В. Жизнь через призму смерти // Евразийский юридический журнал / Московский гос. юр. ун-т им. О.Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 448–450. ISSN 2073-4506. Журнал из перечня ВАК. URL: <https://eurasialaw.ru/>
11. Юм Д. Трактат о человеческой природе. М.: Канон, 1995. Кн. 1. 400 с.
12. Кислов А.Г. Социокультурные смыслы детства. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. 152 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБАЛЫМОВА А.Д. – студентка факультета мировой экономики и права, Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск); e-mail: nmartishina@yandex.ru

АНТОШЕЧКИНА Г.К. – студентка института социально-гуманитарных технологий, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: conferentia-kafphilos@mail.ru

ВАРЫГИНА А.О. – студентка 2 курса института математики, физики и информатики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: alinavarygina@gmail.com

ГОХ А.Ф. – аспирант кафедры философии, социологии и религиоведения института социально-гуманитарных технологий, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: an_goh@mail.ru

ГУЛЕНЦОВА О.С. – студентка 2 курса института математики, физики и информатики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: olgagulentsova1998@yandex.ru

ДОННИКОВ М.Ю. – студент исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: conferentia-kafphilos@mail.ru

ИДИАТУЛИН И.Р. – студент 2 курса института математики, физики и информатики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: alinavarygina@gmail.com

КОНЫШЕНКО Ю.С. – студентка 1 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vlk60cairos1808@inbox.ru

КРУГЛОВА С.В. – студентка 1 курса, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт (Томск); e-mail: sofyakruglova12@gmail.com

КУЗОВЛЕВА А.Н. – студентка Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск); e-mail: kuzovleva5244@yandex.ru

ЛЕОНИДОВА О.А. – студентка исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: conferentia-kafphilos@mail.ru

ЛИТВИНОВА А.Г. – студентка института социально-гуманитарных технологий, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: conferentia-kafphilos@mail.ru

МАЙСТРЕНКО А.И. – аспирант института социально-гуманитарных технологий, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: conferentia-kafphilos@mail.ru

МАЛАНИНА Д.В. – студентка 3 курса, кафедра рекламы и социально-культурной деятельности, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: micheletto.korella@yandex.ru

МАШУКОВ М.А. – студент института социально-гуманитарных технологий, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: conferentia-kafphilos@mail.ru

МИНЕЕВ В.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и религиоведения института социально-гуманитарных технологий, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vvmineyev@mail.ru

ПОПКОВА Н.А. – аспирант кафедры философии, социологии и религиоведения института социально-гуманитарных технологий, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: natusyazolotaryova@mail.ru

ПРОЦЕНКО В.О. – студент института социально-гуманитарных технологий, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: protsenko-01@list.ru

СКЛЯРЕНКО Н.С. – студент исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: nik_sklyarenko@mail.ru

ТАЙГУНОВА Т.В. – аспирант кафедры философии, социологии и религиоведения института социально-гуманитарных технологий, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: ped_otdel@list.ru

ТЕЛЕВАТАЯ Е.Р. – студентка института социально-гуманитарных технологий Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: elenatelevataya27123@mail.ru

ФАУТ Ю.В. – студент 2 курса института математики, физики и информатики, Краснояр-

ский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: alinavarygina@gmail.com

ФОКИНА А.В. – студентка 1 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: vlk60cairos1808@inbox.ru

ХАРИСОВА А.Р. – студент Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск);
e-mail: kuzovleva5244@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА А.С. – аспирант кафедры философии, социологии и религиоведения института социально-гуманитарных технологий, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: alchern75@mail.ru

ШИРОКИХ С.В. – аспирант кафедры педагогики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: diritto@mail.ru

Молодежь и наука XXI века

XX Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых

Красноярск, 24 апреля 2019 г.

Электронное издание

Редактор *М.А. Исакова*
Корректор *А.П. Малахова*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 25.06.19.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 10,1